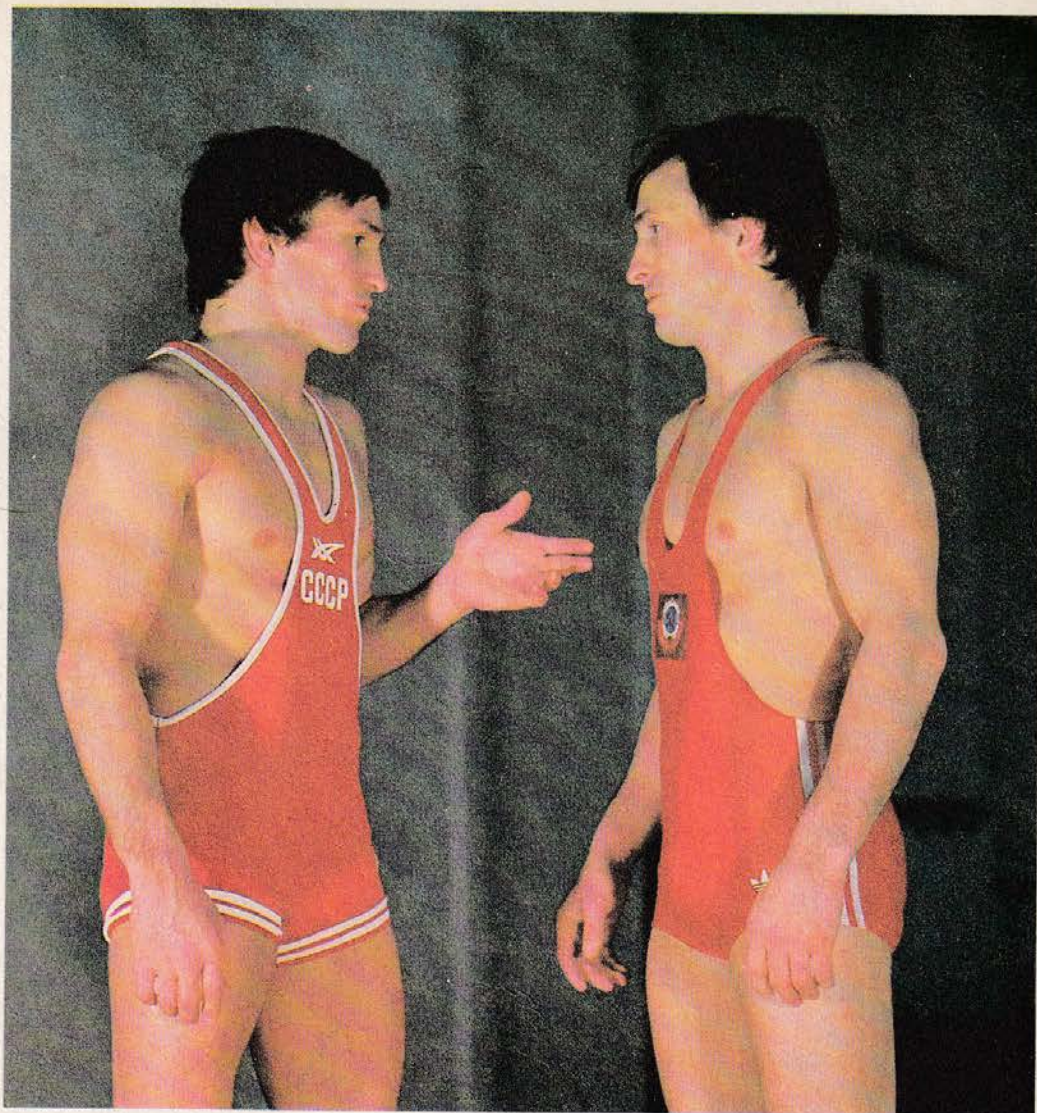


АНАТОЛИЙ И СЕРГЕЙ БЕЛОГЛАЗОВЫ



Президент Международной федерации борьбы **Милан Эрцеган** (Югославия):

— Скажу вам так: я, семидесятисемилетний человек, откровенно горжусь личным знакомством с этими глубоко порядочными, кристально чистыми рыцарями спорта — братьями Белоглазовыми. Это — атлеты XXI века. И уж простите меня, старого пессимиста, но я не убежден, что их кто-нибудь сумеет повторить. Белоглазовы — Паганини борцовского ковра.

Главный тренер сборной СССР, двукратный олимпийский чемпион **Иван Ярыгин:**

(О Сергее)

— Самое поразительное то, что сегодняшний «старик» Сергей Белоглазов сильнее... двадцатитрехлетнего Сережи Белоглазова. Но ему этого мало.

Работает он так, что мне, не понаслышке знакомому с большими нагрузками, иногда приходится поражаться. Как капитан сборной он подает прекрасный пример всем ребятам.

(Об Анатолии, после того как он занял второе место в 1988 году на международном турнире в Тбилиси):

— Да разве дело в первом или втором месте? Дело в том, что тренер сборной страны вышел на ковер, да что там вышел, можно сказать, свалился на головы своим ничего не подозревавшим подопечным и показал перед Олимпиадой, «как жить нужно». Вот что главное. Вы бы видели, что началось в легчайшем весе после турнира в Тбилиси! Возросшая конкуренция заметно подхлестнула ребят. Веселее пошли дела и в других категориях...

(«Правда» от 11 июля 1988 года)

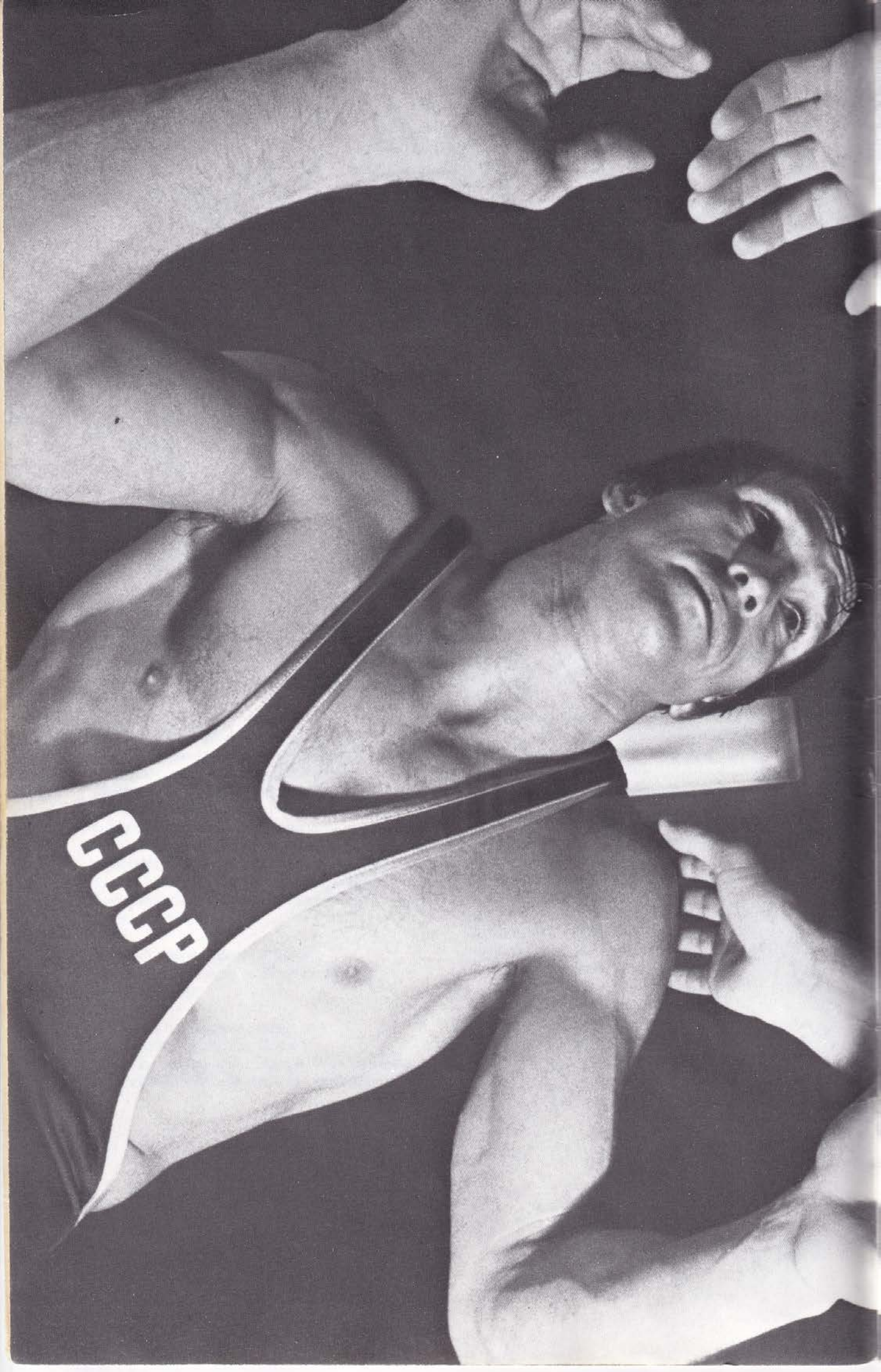
АНАТОЛИЙ И СЕРГЕЙ БЕЛОГЛАЗОВЫ

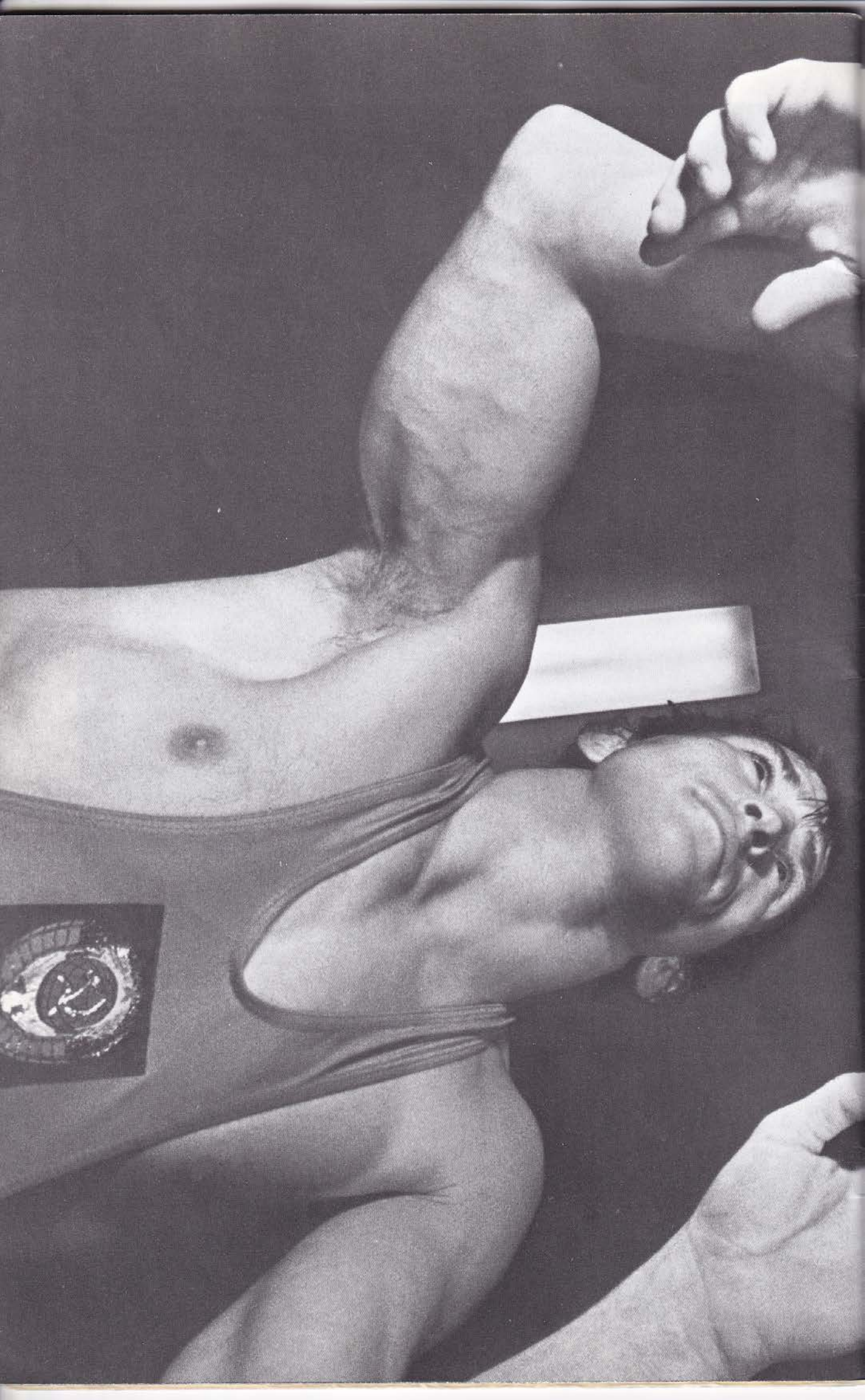
Автор-составитель
Игорь Сосновский

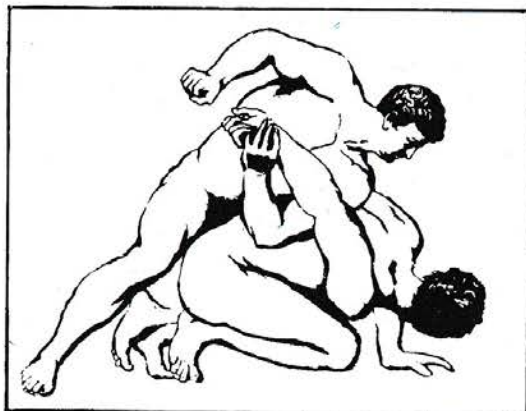
Фото

М. Боташева,
А. Бочинина,
Ю. Быковского,
В. Ганчука,
В. Сафронова,
Ю. Соколова,
И. Уткина

Москва
«Физкультура и спорт»
1989







В Софии на турнире «Дружба-84» по вольной борьбе Гранит Иванович Таропин по собственному желанию взялся опекать афганских борцов, которые приехали в столицу Болгарии без тренера. Проводил с ними тренировки, секундировал им в схватках.

Русоволосый, голубоглазый, он поначалу был очень заметен в их смуглой компании. Но потом все привыкли встречать его вместе с афганцами. И в студенческом городке, что возле горы Витоши, где жили спортсмены, и во Дворце спорта «Септември». Многие интересовались, как это они так быстро научились без переводчика понимать друг друга. Таропин отвечал, что это, наверное, потому, что все борцы владеют своим, особым борцовским языком. Афганцы же благодарно смотрели на него и добавляли, что есть и другой язык, на котором свободно объясняются с советским тренером, — это язык сердца.

Они прижимали тяжелые ладони к груди и говорили что-то еще, взволнованно, горячо. Таропин смущенно улыбался и переводил:

— Меня упрекают. Переживают, что из-за них будто бы совсем не уделяю внимания Толе и Сергею...

Толя и Сергей — ученики Таропина, братья-близнецы Белоглазовы. В 1983 году на чемпионате мира по вольной борьбе в Киеве у американских, болгарских, японских и других участников спросили, кого из действующих атлетов они считают самыми популярными в своем виде спорта. И все ответили, что Белоглазовых. Причем ответили так уже после того, как в драматическом поединке Анатолий уступил болгарину Валентину Иорданову и довольствовался скромной для себя «бронзой».

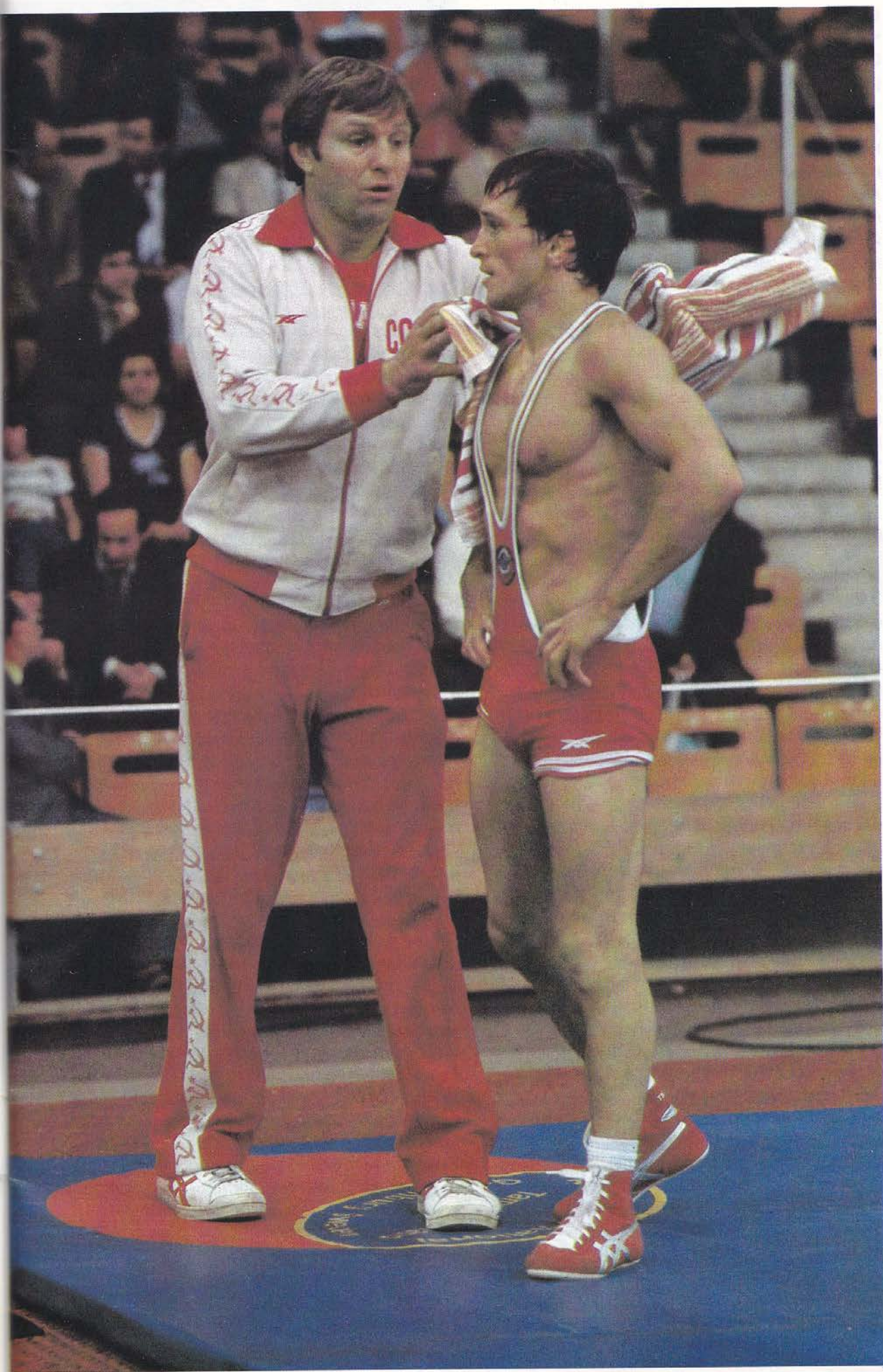
Отчего же так популярны близнецы? Они — долгожители на борцовском ковре. Старший из них на четверть часа Анатолий первую золотую медаль на чемпионате

мира завоевал еще в 1977 году. А потом братья стали победителями Московской олимпиады: Анатолий — в легчайшем весе (52 кг), Сергей — в полулегком (57 кг). Подкупает их стиль борьбы. Азартный, бескомпромиссный. Они атакуют из самых, казалось бы, неудобных положений, всегда неожиданно, остроумно и зачастую как бы продолжая прием, примененный соперником. Так что их выступления оставляют впечатление блестящей импровизации.

Они доброжелательны, общительны. Помню, несколько лет назад мне передали письмо от строителей одного из участков Байкало-Амурской магистрали. Те писали, что к ним в гости приезжала сборная команда страны по вольной борьбе, в составе которой были и олимпийские чемпионы братья Белоглазовы. Они вместе со всеми славно потрудились, прокладывая в тайге просеку для линии высоковольтных электропередач. А в свободное время, аккомпанируя себе на гитаре, пели песни. В общем, бамовцам так понравились и сами близнецы, и их песни, что они предлагали дать возможность Белоглазовым выступить в этом необычном для них амплуа перед телезрителями.

Я передал это предложение Анатолию и Сергею. Они посмеялись. Сказали, что действительно был такой факт в их биографии. И даже для телевидения их тогда снимали. Только конфуз получился. Попросили, чтобы они перед телекамерами провели показательную тренировку. Ну, братья старались, старались... И в конце Анатолий так высоко и под таким неожиданным углом бросил Сергея, что тот не успел сгруппироваться и так воткнулся головой в маты, что даже скривился от боли. Потом примерно с неделю шея у него плохо поворачивалась. Но братья были довольны, поскольку операторы их заверили, что

Гранит Иванович Таропин всегда рядом



все получилось очень здорово... В назначенный день в квартире Белоглазовых собрались родственники и знакомые. Все расположились перед телевизором.

— Сейчас увидите, — хвалился Анатолий, — как я Сергею бросил!

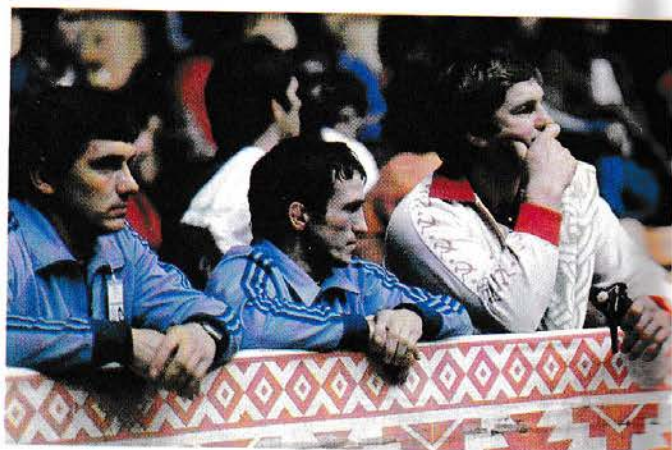
Но, хоть фильм и показали, ничего этого в нем не было. Почему? Братья не поленились, отправились за ответом на телевидение. И им объяснили, что при просмотре ленты, увидев, как Сергей воткнулся головой в маты, некоторые из присутствующих пришли в ужас и потребовали исключить эти кадры из фильма. Поскольку посчитали, что это пропаганда не спорта, а самого настоящего братоубийства.

— А мы понарошку не умеем, — виновато сказал Сергей. — У обоих характер одинаково заводной. Так что Гранит Иванович раньше даже беспокоился, когда мы встречались в спарринге или на соревнованиях. Боялся, чтобы мы, увлекшись, не травмировали друг друга. Потому и развел нас в разные весовые категории.

Здесь я позволю себе сделать отступление и познакомлю читателя с доборцовским периодом жизни братьев Белоглазовых. Они мне рассказывали о нем неоднократно. Но сейчас прослушал диктофонные записи и выбрал ту, что наговорил мне Анатолий в декабре 1982 года после того, как он и Сергей победили на чемпионате мира в канадском городе Эдмонтоне.

В дальнейшем я вернусь к этому турниру, который по некоторым причинам считаю самым счастливым в долгой и славной спортивной биографии моих героев. И, возможно, поэтому, а еще потому, что тогда Анатолию повезло только что совершить своеобразное путешествие в их общее с Сергеем детство, тот давний наш разговор получился особенно искренним и непосредственным. Я постарался сохранить его интонацию и не стал ничего уточнять и менять в нем по сути, а лишь построил как монолог... Итак, слово предоставляется Анатолию Белоглазову.

— Мы с Сергеем теперь в Киеве живем. А родители в Калининграде остались. Наведываемся к ним регулярно. Нынешней же осенью случилась незапланированная поездка туда. Толчком послужило то, что отца в больницу положили. А он у нас человек свободолюбивый — никаких запретов не признает. Вот и уходил из больницы без разрешения врачей. Мама тоже лечиться не привыкла и такому поведению его не препятствовала.



Сообщили нам об этом. Сергей и говорит мне: «Бери, старший брат, краткосрочный отпуск по службе и поезжай сейчас к родителям. А я через месячишко к ним нагряну. Будем осуществлять контроль». Мы с Сергеем — офицеры МВД и еще заочно учимся в инфизкульте. Так что распорядок у нас жесткий, непросто выкроить несколько свободных дней. Но раз надо — значит, надо.

А насчет «старшего брата» — это у Сергея шутка такая. Я же к нашей пятнадцатиминутной разнице в возрасте отношусь совершенно серьезно. Ведь не куда-нибудь, а на свет появился раньше на пятнадцать минут. Так что считаю себя вполне старшим братом.

Мы с Сергеем частенько по этому поводу шутиливо пререкаемся. Гранит Иванович как-то даже укорил: «Слова в простоте друг другу не скажете — все с подковыркой». Но он-то знает, что мы не со зла. Привыкли соперничать. Бывало, когда еще драться не умели, поколотят нас мальчишки постарше. Я говорю: «Мне не больно». А Сергей отвечает: «А мне еще не больнее!»

Он бы и ныне вперед меня к родителям поскакал. Да только-только женился. Мы очень огорчились, что мама и отец не смогли быть на его свадьбе. В общем, когда через месяц после меня Сергей с молодой женой отправились в Калининград — это было для них с Наташей вроде свадебного путешествия.

Обычно мы с братом всегда вместе в родной город возвращались. На сей раз приехал сюда один. И, возможно, поэтому (Сергей не отвлекал) воспринял окружающее как-то особенно остро. Первым делом, конечно, провел соответствующую работу с родителями. Потом переговорил с врачами. Те сердились на наших стариков.

А что на них сердиться? Они в некоторых вопросах словно дети. Дети войны. Стро-

нула она их когда-то с места. И с той поры живут как на перекладных: день прошел — и ладно. Но хлеб насущный всегда в поте лица добывали. На чужой кусок никогда не зарились, а своим — от всего сердца рады поделиться.

Да и не старики они вовсе. Еще и пенсионного возраста не достигли. Оба дворниками работают. А прежде мама, Евстасия Алексеевна, нянечкой в детском садике была, а отец, Алексей Яковлевич, на пилораме трудился. Знатным мастером себя показывал, пока здоровье не подорвал. Мы свои первые хоккейные клюшки (покрепче фабричных были) собственноручно изготовили — он научил.

Помню, я уже чемпионом области среди юниоров по вольной борьбе был. Поднялся утром рано, резиновый бинт растягиваю. Отец на работу собирается, интересуется: «Зачем себя мучаешь?» — «Силу накачиваю». — «Пойдем со мной, — предлагает, — покажешь, что успел накачать».

На пилораме мы с ним встали рядом. Я, пожалуй, даже резвее начал. Но минут часок-другой и держался уже только на самолюбии. А когда испугался, что вот-вот упаду от усталости, отец, который все подмечал, с добродушной лукавинкой сказал: «Молодец, сынок! Доказал, что силу имеешь. Теперь беги по своим делам». А я и рад бы бежать, да ноги не слушаются. Отцовскую науку вспомнил на строительстве Байкало-Амурской магистрали, куда после Московской олимпиады сборная команда страны по вольной борьбе приехала с отчетом. И не только с отчетом; мы там несколько дней трудились плечом к плечу с парнями из комсомольско-молодежной бригады Александра Рябкова. Сергей и я топорами обрубали сучья с поваленных деревьев. Работа на первый взгляд несложная, но после нее на наших отполированных штангой и перекладной ладонях такие кровавые мозоли вызрели — каждая с полновесный киевский каштан. Некоторые известные борцы потом удивлялись: «пашем», мол, в спортивных залах так, что небу жарко, силу огромную накопили, а на той бамовской просеке еле сдюжили.

А чему тут удивляться? У каждого своя сила: у лесоруба — одна, у борца — другая... Конечно, спортсмену легче стать лесорубом, чем тому, кто знает о спорте лишь понаслышке. Но не надо преувеличивать и называть атлета, который положил соперника на лопатки или поднял «неподъемную» штангу, самым сильным на Земле. Это неверно ориентирует молодежь.

Самый сильный на Земле — рабочий человек, на его жестких и чутких ладонях мир держится.

Мы с братом эту истину усвоили, можно сказать, с молоком матери. И не в последнюю очередь потому, что выросли в Октябрьском районе Калининграда, где размещаются целлюлозно-бумажный комбинат, судоремонтный и вагоноремонтный заводы, другие крупные предприятия. Здесь людей привыкли ценить не за «умение жить», а за мастерство. Здесь наивысшей похвалой считается, если о ком-нибудь скажут: «Золотые руки!»

И горько бывало видеть, как «золотые руки» начинали дрожать от пьянства. А это, к сожалению, случалось. Мы жили в той части проспекта Победы, где вперемежку с рабочими общежитиями стоят дома еще довоенной постройки. Толстостенные, мрачные — крепости, а не дома. Честное слово, иногда мне кажется, что в их стенах гнездилась зараза. Иначе чем объяснить, что во многих семьях, которые переселились туда, выпивали, мягко говоря, не только по праздникам. Наш дом в этом отношении тоже не был исключением.

А мы с Сергеем и капли спиртного в рот не берем. Насмотрелись в прошлые времена. Но не исключено, что, насмотревшись, могли и привыкнуть, если бы в столь важном для становления характера подростковом возрасте не встретили двух интересных нам непьющих людей. Главный из них — Гранит Иванович Таропин. А первый — Виктор Алексеевич Савин.

Уже не помню, когда Савин поселился в рабочем общежитии, что возле нашего двора. Но точно помню, что именно он обратил мое и Сергея внимание на то, что наш двор по форме схож с футбольным полем. Теперь, правда, мне видится иное: на каких бы спортивных комплексах мира ни бывал, в их футбольных овалах всегда узнаю «стадион» своего детства.

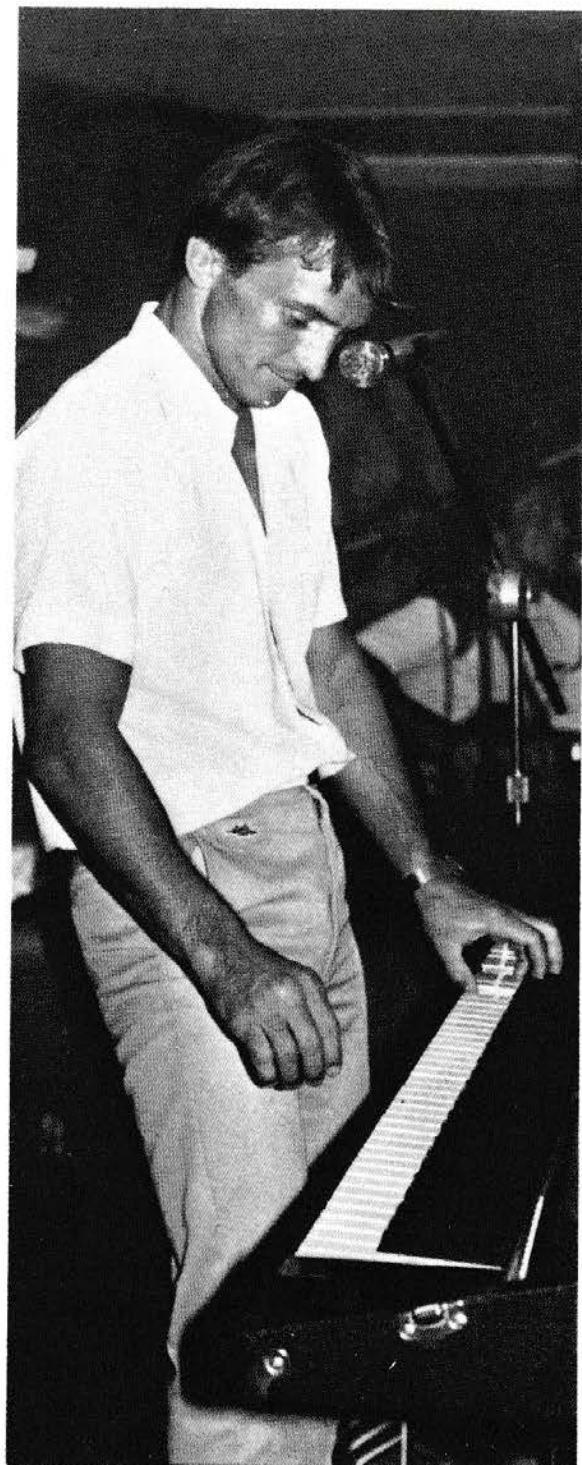
Савин был высокий, крепкий. Летом — в неизменной белой кепочке, зимой — в лыжной вязаной шапочке. Он считал, что лысеет, и стеснялся этого. А вот того, что не пьет и не курит, — не стеснялся. Хотя законодатели мод нашего двора рассматривали подобный факт в поведении молодого здорового мужчины как позорный. Они хвалились друг перед другом, кто сколько принял «живительной влаги». А Савин выносил из общежития футбольный мяч, несильно бил по нему. И мальчишки, до этого почтительно внимавшие «рекордсменам» выпивки, летели на савинский пас, как воробы на вкусное зерно.





И начиналась игра. Ах, какая это была игра! Зачастую в нее включались и здоровые взрослые парни с опухшими от вчерашнего пьянства физиономиями. Но дыхание у них было коротким: пробежав десяток-другой метров, они бледнели, начинали хрипеть, отплеиваться, а затем и вовсе позорно покидали «поле». Савин же был неутомим, ловок, быстр. Мы, подростки, подмечали это и приходили к простейшему выводу, что алкоголь вреден для тех, кто хочет играть в футбол.

А Сергей и я хотели играть в футбол круглые сутки. Возможно, так бы и поступали,



поскольку особого надзора за нами не было. Но когда темнело, Савин брал в руки мяч и уходил в общежитие. Мы тянулись за ним следом. И в его комнатенку набивалось столько разновозрастного народа, что казалось, ее стены способны раздвигаться.

Мы с братом здесь, в многолюдье, ухитрялись готовить домашние уроки по математике. Пользовались тем, что рядом — Савин, охотно объяснявший любую задачу. И не только нам. Взрослели его футбольные ученики, поступали в техникумы, институты. А Савин по-прежнему помогал им разбираться в математических премудростях. Он трудился кочегаром в рабочем общежитии, за что и предоставили ему там жилье. Но ничего удивительного в его знаниях не было. Савин окончил два высших учебных заведения — техническое и гуманитарное — и был известен в Калининграде как специалист по котельным установкам. Он отказывался занять постоянную инженерную должность. Но время от времени его приглашали на какой-нибудь из окрестных заводов, где он по своему профилю выполнял разовые задания. Деньги, полученные за это, Савин называл гонораром. И распределял так. Большую часть тратил на футбольную форму для созданной им детской дворовой команды, которая становилась и чемпионом, и призером городских соревнований, и в одном из составов которой играли мы с Сергеем. А остаток откладывал, чтобы в отпускные дни поехать в Москву на матч с участием футболистов «Торпедо».

Савин отдал сердце этому коллективу, когда в нем еще выступали Эдуард Стрельцов, Валентин Иванов, Валерий Воронин... И с той поры был трогательно верен юношеской привязанности. Искренне огорчался, если слышал нелестные суждения в адрес любимой команды. Мечтательно говорил: «Вот появятся молодые ребята, и «Торпедо» себя покажет».

Мне бы очень хотелось, чтобы об этом узнали торпедовские футболисты. Пускай помнят, что у них есть такой почитатель, как Савин. Я говорил о нем в прошедшем времени, потому что вспоминал наше с ним общее прошлое. А он и сейчас такой. В этот свой приезд в Калининград я отправился к Савину сразу после того, как проведal отца в больнице и повидался с матерью. Шел по нашему двору и удивлялся: ничего здесь не изменилось. Вон баскетбольный щит. Когда-то мы с ребятами смастерили его из выброшенной на мусорник дубовой столешницы. А вот тоже наша

работа — самодельные хоккейные ворота. Летом они становились футбольными, зимой же использовались по назначению. В нашем дворе был прекрасный каток; со всего района собирались сюда конькобежцы и хоккеисты. И мало кто знал, что творит его зеркальную гладь Савин. Делал он это безвозмездно, по собственному, так сказать, хотению. В злейшую стужу, в наибоильнейший снегопад. И комендант общежития ругательски ругал кочегара Савина за то, что использует для заливки катка шланг, предназначенный для других целей.

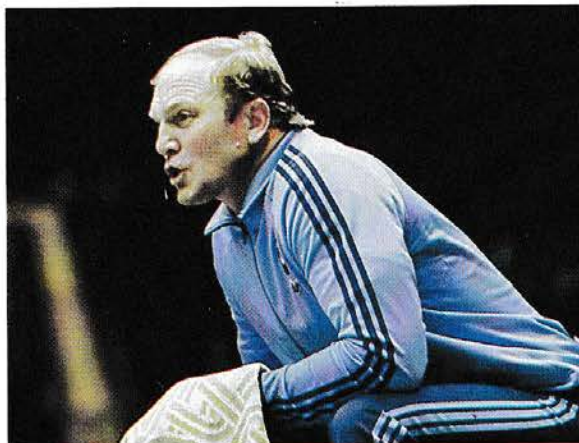
За этими воспоминаниями не заметил, как протопал те несколько десятков метров, что отделяют родительский порог от савинских дверей. Почему-то уверен был, что он дома. И не ошибся. Сидит на узкой железной койке с гитарой на коленях, лицо задумчивое. Увидел меня, кепчонкой светленькой поспешно лысеющую макушку прикрыл. Улыбнулся, будто вчера расстались: «Здорово, брат!» Он нас с Сергеем так называет: «Я — «брат» и Сергей — «брат».

Сыграл в честь моего появления туш. Савин мастерски на гитаре играет. Впрочем, что бы он ни делал — делает мастерски. И надо же, дожил почти до сорока лет, а ничего не нажил. Ни семьи, ни приличной крыши над головой. Даже в своей комнатенке живет, что называется, на птичьих правах. Так как из кочегаров давно уволился.

Ему предложили другую работу. Построили в городе большую котельную с каким-то уникальным оборудованием. Никто в нем разобраться не мог. А Савин разобрался. Вот его и пригласили возглавить котельную. Он как будто и решился, но еще сомневается: «Что посоветуешь, брат?» Я посоветовал согласиться. Пора, мол, отработать обществу два высших образования и жить не как хочется, а как надо. И тут же подумал: «А чего Савину хочется? Играть с мальчишками в футбол, петь для них под гитару хорошие песни, в общем, делать людям добро...»

Он никак не отреагировал на мое пожелание. Лишь отложил в сторону гитару, пошарил длинной рукой под кроватью, выкатил из-под нее звонкий футбольный мяч: «Пошли, постукаем...»

Пока спускались по лестнице, Савин спрашивал: «Ты Блохина близко видел, какой он?.. Неужто за руку здоровался?.. Слушай, тут прошел треп, что вы с киевскими динамовцами в футбол играете?..» Объяснил Савину, что это — не треп. Регулярно,



Иван Ярыгин

трижды в неделю, если не заняты в борцовском зале, мы с Сергеем тренируемся на киевском стадионе «Динамо» вместе с ветеранами прославленной команды. Да, да, вместе с такими корифеями, как Анатолий Бышовец, Виктор Серебренников, Йожеф Сабо, Владимир Мунтян... Они приняли в компанию меня и брата, конечно, не потому, что мы олимпийские чемпионы по вольной борьбе, а потому, что они добрые мужики. И за нашу любовь к футболу. Я же им оплатил «черной неблагодарностью». Сказал Савину, что мы с Сергеем свои лучшие матчи сыграли не с этими замечательными мастерами, а когда-то в его команде.

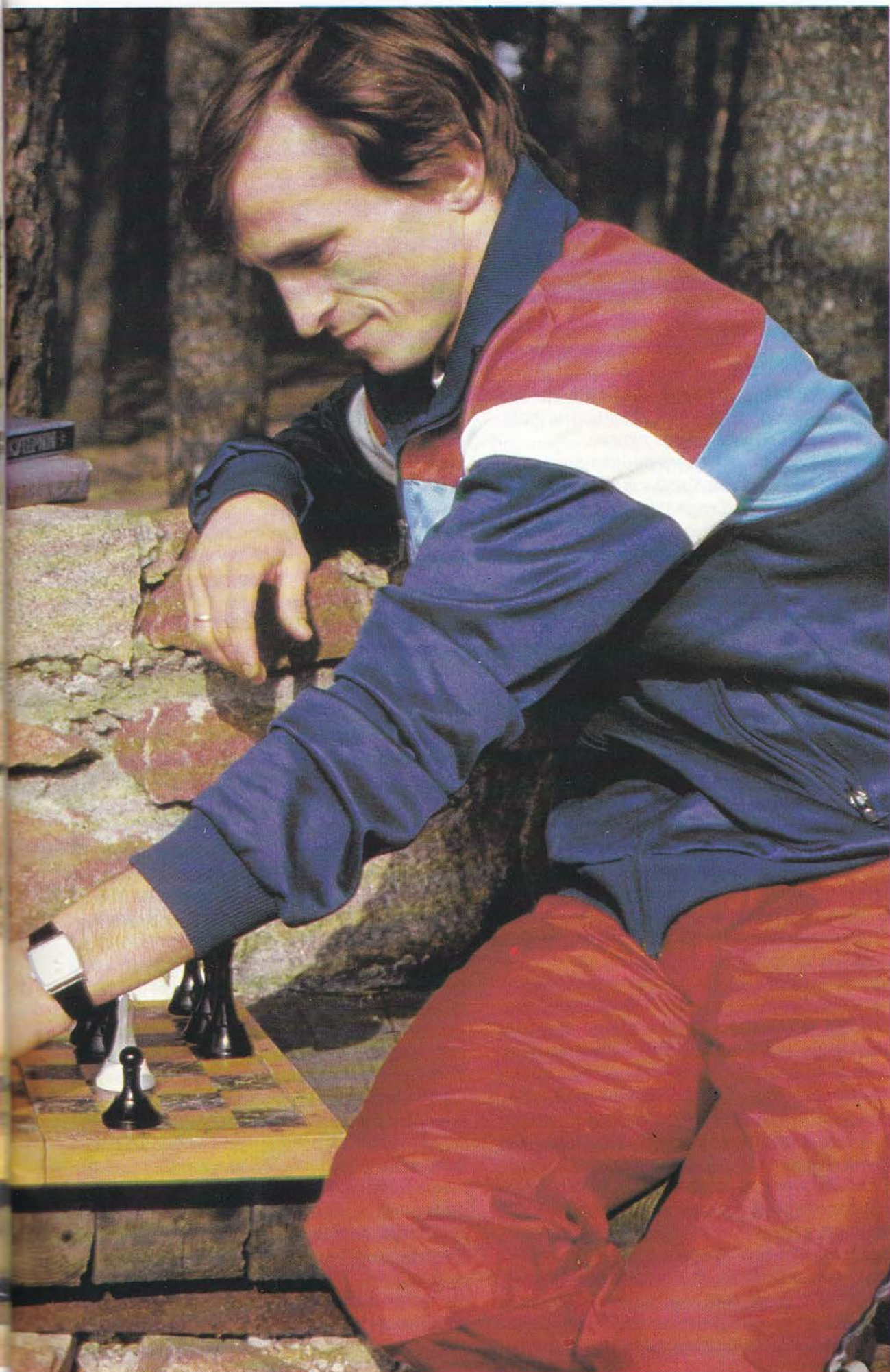
Вышли во двор — там ни души. Но покати́л Савин по желтым опавшим листьям мяч. И тотчас его подхватил словно из воздуха материализовавшийся мальчишка. А рядом с ним возникло еще несколько таких же — шустрых, русоголовых. Приплелся рыхлый мужчина с окурком, намертво припаянным к нижней отвислой губе. Пренебрежительно мотнул окурком в сторону пружинисто бегущего Савина: «Ха! Наполняет жизнь приятными мелочами».

Я не успел ответить, так как сквозь туфлю почувствовал упругое тело мяча. И тут же, словно не было прошедших лет, услышал азартный голос: «Толик, давай на выход!» Не глядя, послал мяч в знакомую точку.

Мужчина с окурком радостно завопил: «Го-о-л!» А я обнял того, кто забил гол, — Гешу Копылова.

Нынче принято бранить улицу, двор, мол, там подростки учатся всему плохому. Я же с нежностью вспоминаю наш двор. Мы с братом были из тех, кого называют уличными мальчишками. Домой заскакивали лишь для того, чтобы схватить кусок хлеба, если находили его. И снова бежали на улицу. Там мы могли поймать на лету скверное слово и, не понимая его значе-







Награду вручает трехкратный олимпийский чемпион Александр Медведь



Братья Белоглазовы с композитором Александрой Пахмутовой

ния, «обогащать» им свой лексикон. Но там же мы учились мужеству, честности, доброте, умению жить среди людей.

Нашими учителями были ребята постарше. Такие, как Геша Копылов, который был старше на четыре года. Чем мы его привлекли? Наверное, тем, что больше других нуждались в опеке. Сергей и я были самыми маленькими и слабыми среди сверстников. Достаточно сказать, что в тринадцатилетнем возрасте, когда уже начали заниматься борьбой, мы весили по 27 килограммов.

Геша, еще прежде Савина, привлек нас к футбольным сражениям. Он научил меня и Сергея играть в шахматы. Это чудесная игра. Но она понравилась еще и потому, что здесь все зависит не от физической силы, а от твоего интеллекта, воли, настойчивости. Главное здесь — обыграть того, кто тебе противостоит. В дальнейшем это стало нашим девизом в спорте: не «задавить» силой, техникой, но — обыграть! В памяти моей и ныне жив тот вечер, когда Сергей вернулся от Копыловых возбужденный, счастливый. Я не мог к ним пойти — болел. И вот Сергей заявил, что победил Гешу в шахматы. Я был потрясен. Я не поверил брату. Хотя от него всего можно ожидать: он азартный, рискованный, способен совершить невозможное.

«Врешь!» — сказал я ему и приготовился к обороне. Но Сергей не обиделся, не полез в драку, а протянул мне записку. В ней Гешиним почерком было написано: «Толик! Сергей у меня выиграл». И подпись.

Нынче, когда встречаю мизантропов, обвиняющих всех без разбору людей в эгоизме, своекорыстии, я всегда вспоминаю семью Копыловых. Это была благополучная семья. Глава ее был мастером на заводе, Гешина мама работала на кондитерской фабрике. Какую пользу они могли извлечь

из двух живших по соседству заморышей? А они были удивительно добры к нам. Их дом на какое-то время стал для нас не вторым, как принято говорить, а главным домом.

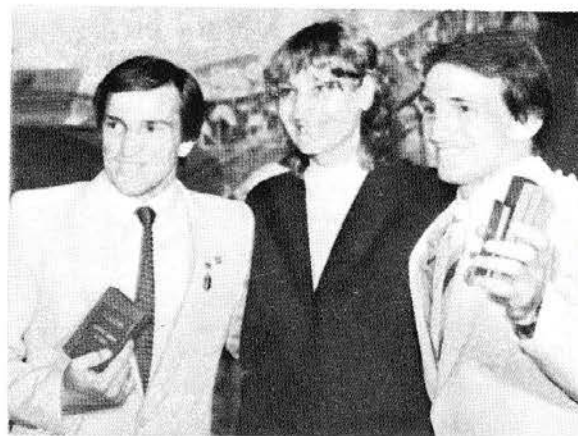
Мы в буквальном смысле этих слов днели и ночевали там. Мама Геша, преодолевая нашу гордость, всячески старалась нас подкормить. А у его отца был мотоцикл с коляской, на котором мы все вместе в выходные ездили на рыбалку. Большой, добрый, он сажал Гешу к себе за спину, нас же, как котят, бросал в коляску, строго предупреждал: «Не высовываться! Чтобы думали, что в коляске один человек, а то оштрафуют!» И мы мчались за город: в солнце, в зелень, в янтарные пески балтийских пляжей, в наше счастливое детство.

А теперь мы, взрослые, обнимались с Гешей. Я с тревогой всматривался в его лицо и радовался, что на нем незаметны следы от ожогов. На заводе, где он работал токарем, случилась авария — прорвало какую-то трубу — и Гешу обварило кипятком. Ему дали инвалидность и прописали покой. А он услышал удары по мячу и не выдержал. «Геша, — сказал я, — ты понимаешь, если тебе что-то нужно, мы с Сергеем сделаем все, что можем». «Мне нужно здоровье, Толик,» — мягко улыбнулся он. Подошел Савин, осторожно похлопал Гешу по плечу и, обращая ко мне, провозгласил оптимистично: «Геша еще недавно еле передвигался! А сегодня, видел, какой голешник заложил! Скоро от его инвалидности останутся одни воспоминания!»

Я в Калининград на «Жигулях» прибыл. Поколесили мы на них с Гешей по памятным местам. А когда уже собрался возвращаться в Киев, заехали на станцию техобслуживания. И оказалось, что там работает Леша Богданов. Он был, как и пре-



На встрече в Останкино. Сергей Белоглазов принимает эстафету у чемпионов Калгари



Братья Белоглазовы и болгарская гимнастка Мария Гигова

жде, шумный, веселый. Сообщил, что женился, стал отцом близнецов... И я мысленно отметил: если уж человеку везет, то это надолго.

Леша Богданов когда-то был кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе и тоже учился у Гранита Ивановича Таропина. Он имел в нашей секции прозвище Счастливчик. Уж слишком явно благоволила к нему судьба. Так что, когда Леша по потерявшему билету выиграл «Москвич», этому особо не удивились. Правда, кое-кто предсказывал что теперь-то его везению наступит предел.

Ведь сел он за руль практически без всякой специальной подготовки. И такие пируэты выделял на калининградских улицах, что казалось, обязательно вляпается в аварию. А он, месяц потренировавшись в вождении, повез Гранита Ивановича, Сергея и меня в Минск на чемпионат страны по вольной борьбе 1972 года, который проводили перед самой Мюнхенской олимпиадой.

Туда и обратно было больше тысячи километров. А Леша, по его словам, ездить медленно еще не научился. Вот и мчались по мокрому от дождя асфальту со скоростью 120 километров в час, и встречные грузовики испуганно уступали нам дорогу. Как же мы решились довериться столь неопытному водителю? А иной возможности добраться до Минска не было. Ни наш тренер, ни тем более мы свободными деньгами для такой поездки не располагали. У Гранита Ивановича было много способных учеников. Почему же именно Сергею и мне он захотел доставить радость? Думаю, что по той же причине, по которой раньше над нами шефствовал Геша Копылов, — тренер полагал, что мы больше других нуждаемся в опеке.

Нам же тот чемпионат страны, можно ска-

зать, перевернул жизнь. Мы увидели в Минске лучших в мире борцов и вдруг сообразили, что слеплены из такого же «теста», что и они. И у нас возникла сумасшедшая мысль: «Если эти парни смогли, то отчего не попытаться нам!..» Пожалуй, это и было главное, что мы вынесли с того чудесного турнира. А теперь коротко о том, как пришли в борьбу.

Собственно, сначала мы записались в ДЮСШ на футбольное отделение. И были счастливы, что тренируемся под руководством настоящих тренеров, на настоящем стадионе «Пионер». Огорчало одно: из-за малого роста и физической слабости нашим постоянным местом на играх была скамейка запасных. Мы очень старались и, возможно, в дальнейшем добились бы права выступать в основном составе, если бы парнишка из нашего двора, у которого отец когда-то занимался вольной борьбой, не пригласил нас на чемпионат города по этому виду спорта.

Что нас там прежде всего поразило? То, что в борьбе есть разделение на весовые категории и маленькие соревнуются с маленькими, а большие с большими. И еще нам понравилось, как ловко и красиво действовал на ковре Гранит Иванович. Он тогда уже был тренером, но еще продолжал выступать. Потом он обучил брата и меня требующим большой гибкости приемам, которыми на том турнире побеждал соперников. В стойке — это бросок обвивом, а в партере — переворот разгибанием.

Кстати, тогда на Лешином «Москвиче» в Минск я ехал с загипсованной левой рукой. Сломал ее, когда с товарищем по секции Володей Байковым отрабатывал бросок обвивом. А до этого точно так же и с тем же партнером сломал правую руку. Володя был закрепощен, как штангист, и ве-

сил на восемь килограммов больше меня. Он рушился мгновенно, словно камень с обрыва, притом под самыми невероятными углами, и я не успевал страховаться. После столь печального опыта какое-то время опасался применять этот прием. Но минул срок, и «коронки» нашего тренера прочно вошли в мой и Сергея борцовский обиход.

Должен сказать, что, даже сделавшись учениками Гранита Ивановича, мы продолжали оставаться на футбольном отделении ДЮСШ. Утром гоняли мяч на стадионе «Пионер». Потом шли в школу. А после уроков тренировались в борцовском зале. Граниту Ивановичу, естественно, о футбольной своей жизни ничего не докладывали.

Но однажды увидели его на стадионе. Он молча стоял у кромки футбольного поля и смотрел в нашу сторону. Потом ушел. Все шесть уроков Сергей и я старались убедить друг друга, что тренер нас не заметил. Уж очень не хотелось, чтобы Гранит Иванович сердился и выгонял нас из секции.

Но он не стал сердиться и выгонять. А только сказал: «Вы еще слишком слабые, чтобы заниматься двумя видами спорта. Можете надорваться. Так что остановитесь на чем-то одном». Мы с Сергеем посоветовались и пообещали ему, что не станем заниматься в ДЮСШ футболом.

Потому что, поразмыслив, пришли к выводу: в футбол сможем играть и дома, в нашем дворе, а борцовским приемам лучше обучаться под руководством Гранита Ивановича.

Обучение же это началось в 1969 году, как уже рассказывал Анатолий, с того, что Таропин поставил тринадцатилетних близнецов на весы и выяснил, что в каждом из них по 27 килограммов. И произошло почти то, от чего братья так пострадали в футбольной секции. Столь легких подростков нельзя было выставлять на соревнования. И два года Анатолий и Сергей занимались исключительно тем, что копили силу, разучивали и шлифовали приемы. Потому, когда наконец вышли на соревновательный ковер, тотчас прославились как очень техничные борцы.

Вот ведь как все просто. Так, может, прав тот тренер, который мне недавно говорил: — Везун Таропин! Встретил в свое время чудо-братьев и уже король на всю жизнь. Им только первоначальный толчок был нужен, а дальше они бы и самоходом дошли.

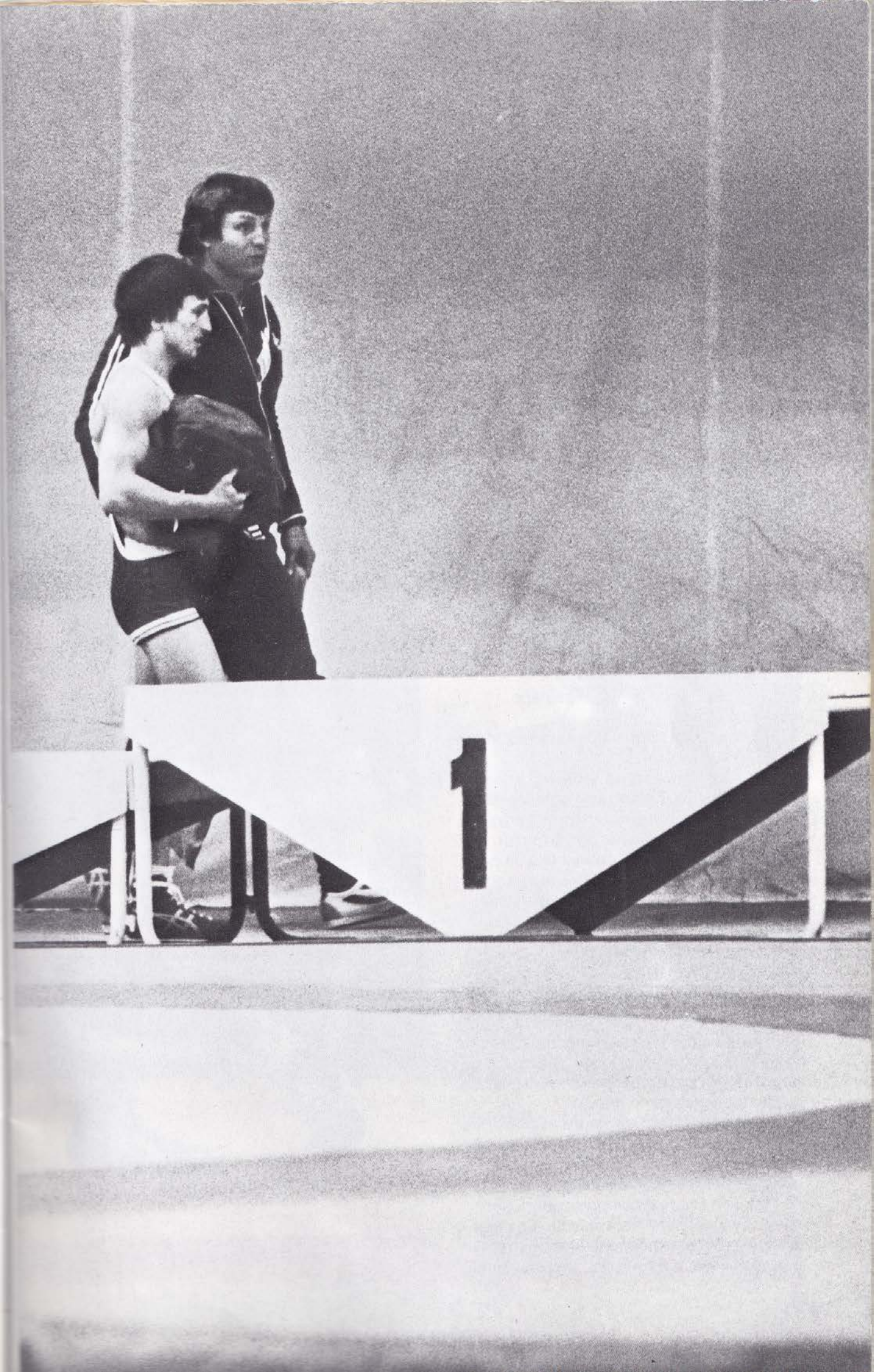
Подобные разговоры слышу не впервые. Помню, еще лет двенадцать назад рассказывали, что в сборной по вольной борьбе появились очень самостоятельные близнецы из Калининграда. Шустрые, верткие, прирожденные бойцы. Приезжают на сборы без тренера и трудятся так добросовестно, что тренерский глаз им как будто без надобности. И море обаяния. Увидят, как кто-то выполняет незнакомый им прием, не постесняются: подойдут, расспросят, попросят показать...

Тогда находилось немало охотников прибрать к рукам «бесхозных братьев». Приглашали их тренироваться к себе, обещая повседневную заботу и всевозможные блага. Но Анатолий и Сергей словно бы и не слышали заманчивых предложений. Всякий раз возвращались в Калининград к Таропину и там, в подвале Дома офицеров, где по соседству с гардеробом работала борцовская секция, демонстрировали учителю и соученикам приемы, привезенные со сборов.

А когда в 1977 году личные обстоятельства Таропина сложились так, что он вынужден был перебраться на жительство в Киев, Белоглазовы, хоть и очень привязаны к Калининграду, последовали за ним. Именно непрерывающейся связью с первым тренером они объясняют то, что на протяжении многих лет оставались сильнейшими в своих весовых категориях. При чем одна из мотивировок этого утверждения была у них такой: Таропин, мол, с первых шагов приучал их к самостоятельности. Ну не парадоксальная ли ситуация: он приучал их к самостоятельности, а они без него обойтись не могли? Давайте разберемся в этом. Возможно, таропинский опыт заинтересует кого-то из молодых тренеров, ставящих перед собой высокие цели.

Но прежде — об одной нашей беседе с Гранитом Ивановичем, толчком к которой послужил весьма характерный эпизод. Произошел же он в гостинице белорусского спортивного комплекса «Стайки», где в то время наши борцы вольного стиля готовились к крупному международному турниру. Это было после отбоя; мы с Таропиным сидели в холле и, уж не помню о чем, разговаривали. И вдруг услышали:

— Что тебе тренер? Собака? Что ты его на ночь глядя прогуливать собрался... Слова эти были адресованы молодому могучему красавцу. Произнес же их старый борцовский наставник Н., который тут же в холле утрясал какие-то дела с гостиничным администратором. Из дальнейшего



разговора мы поняли, что он стал свидетелем, как молодой борец настойчиво будил своего тренера. Н. поинтересовался, зачем он это делает. И тот капризно ответил, что ему не спится, а в одиночку гулять скучно. — Вы посмотрите на эту Таню, — возмущался Н. — Ей душно, ей не спится!.. Сравнение с пушкинской героиней, по-видимому, крепко царапнуло стокилограммового парня, на котором спортивный костюм дыбился буграми мышц. Он сжал в ниточку свежие полные губы, набычился. Таким и нашел его поспешно спускающийся по лестнице тренер.

Лицо этого уже немолодого человека было еще не совсем проснувшимся, но он тотчас понял, что ученика обидели. Не вдаваясь в подробности, сердито взглянул на предполагаемых обидчиков: Н., Гранита Ивановича и меня. Заботливо подтолкнул питомца в необъятную спину и увлек его подалее от нас, на улицу.

А я подумал, что если бы не Н., то вполне возможно, что этот случай предстал бы передо мною в совершенно ином свете. И когда-нибудь я бы его описал как трогательное единение ученика и учителя. Первому, мол, перед предстоящими схватками не спится, а второму — спится, но он позову младшего оставляет постель, чтобы поддержать его.

Таропин же, глядя вслед этой паре, грустно сказал:

— Хамство! Обыкновенное хамство. И старого, и малого жалко.

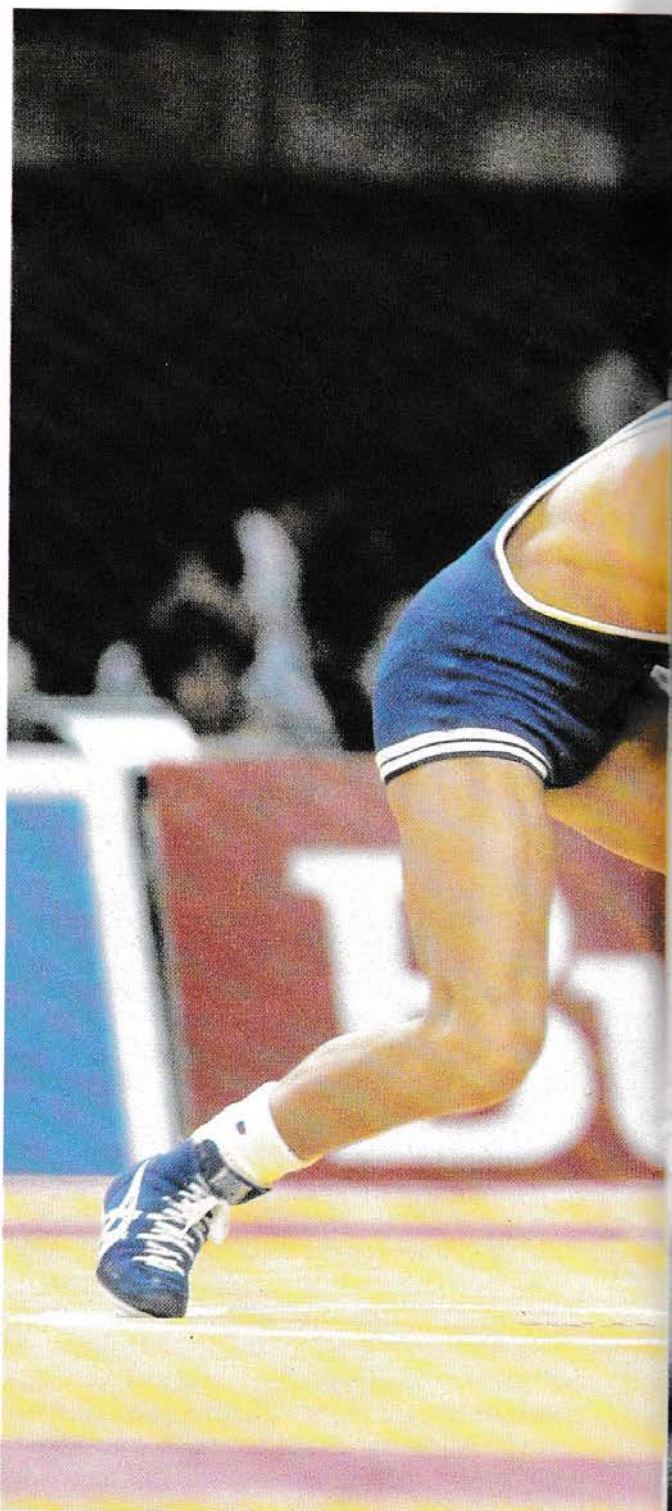
В тот вечер или, вернее, ночь мы долго разговаривали с Гранитом Ивановичем:

— Вот парню, — размышлял он вслух, — даже в голову не пришло, что будить старшего по возрасту, намотавшегося за день человека нехорошо. И с кем этот человек намотался? Да с ним же и намотался. А ему не жалко. Значит, эгоистом вырос. Только о себе думает. Сейчас, пока удачно выступает, с этим мирятся.

Напряжения, мол, сверхнапряжения, в форму вошел, нервишки наружу... А потом? Потом несчастным человеком будет. Для него уже безусловным рефлексом стало: считаться только с собой. А люди захотят и потребуют, чтобы он и с ними считался. Иначе в обществе нельзя.

Кто же виноват, что он таким вырос? Прежде всего тренер. Родители детей не выбирают, школа — учеников тоже. А тренер — выбирает. Я говорю не вообще о тренере, а о том, кто стремится подготовить чемпиона. Ему подавай честолюбцев да еще с комплексом сверхполноценности, готовых каждую минуту доказывать, что они силь-

нее всех и все могут. Но ведь таких ребят и воспитывать надо соответственно. Приглушать в них чувство собственной исключительности, прививать уважение к окружающим. А сильные характеры — на то и сильные, чтобы сопротивляться любому, пусть даже благотворному влиянию. Как преодолеть это сопротивление? И сделать так, чтобы не повредить ученику, не оттолкнуть его? Ведь каждый ученик,доросший до чемпиона, — это по меньшей мере десятилетия тренерской жизни. А много ли у тренера таких десятилетий?

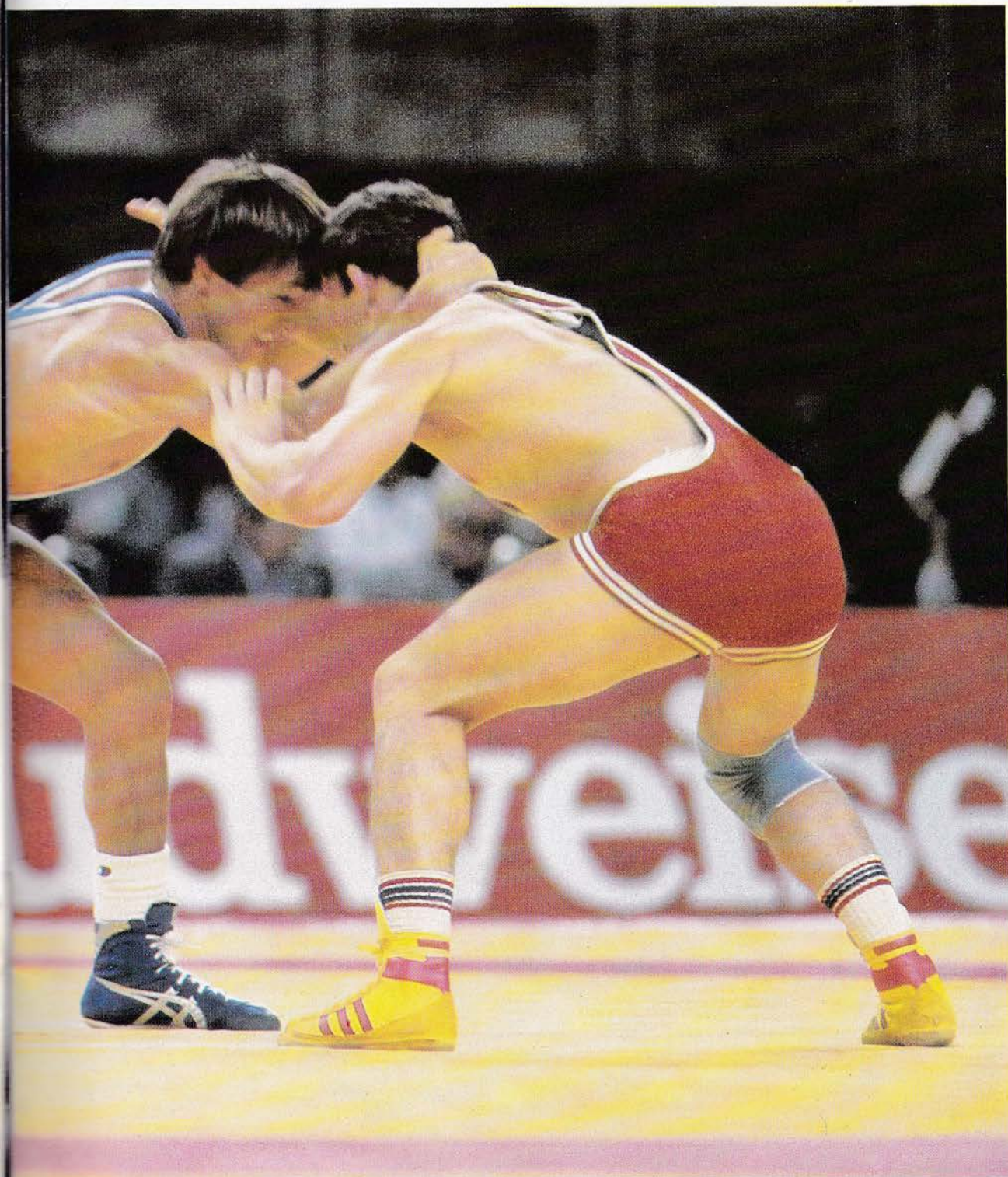


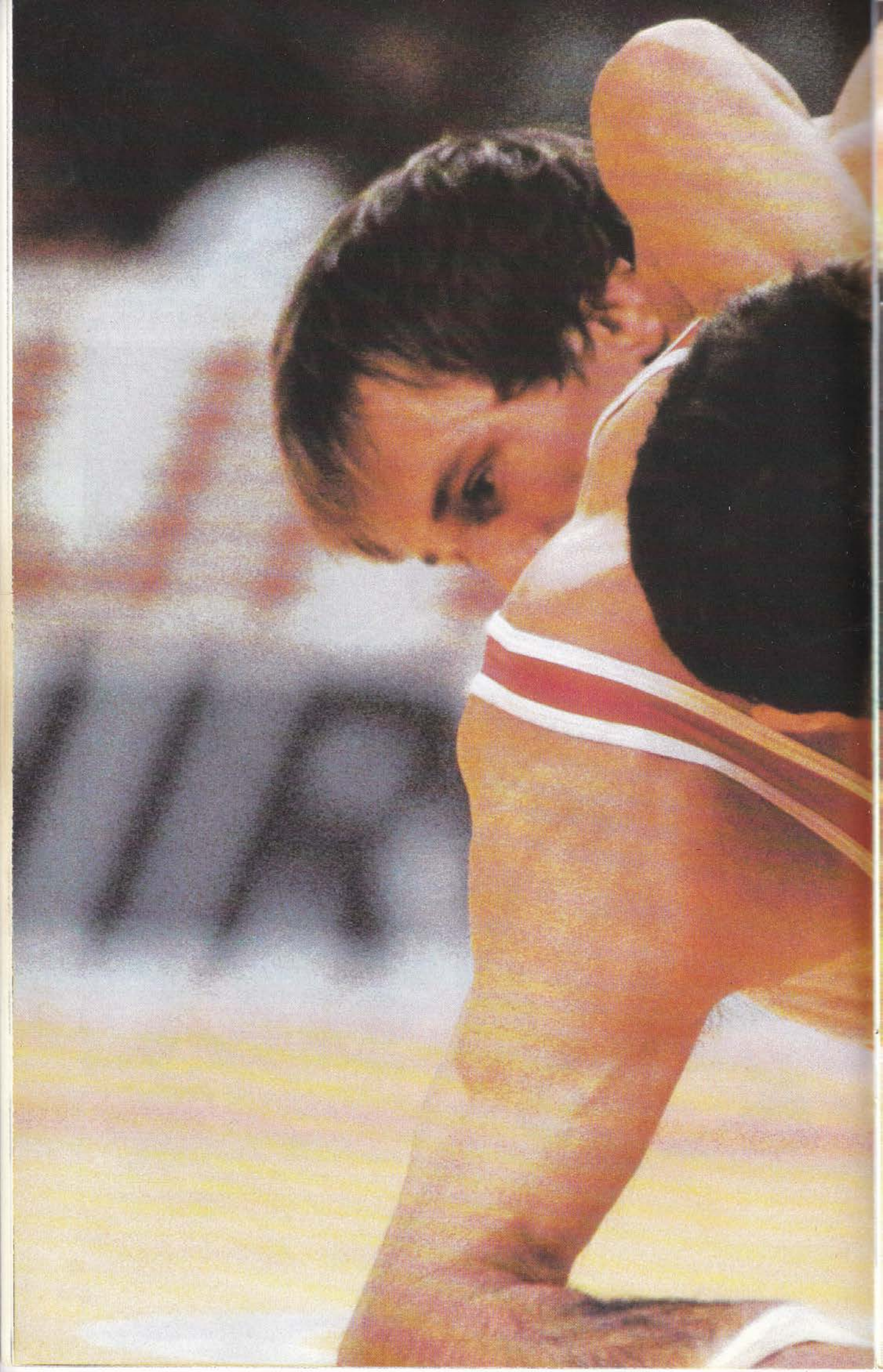
Должен сказать, что в тот вечер в «Стайках» мой собеседник на эти свои вопросы ответа не дал. И все же мне представляется, что, возможно, и не в полной мере, но я его получил. Получил в процессе знакомства с деятельностью Гранита Ивановича. А теперь подробнее об этой деятельности. Когда Таропин проводит очередной набор, то прежде всего старается выяснить, как соображает новичок и какая у него реакция. Все остальное, по его мнению, можно приобрести впоследствии. И еще он предпочитает принимать слабых ребят. У них

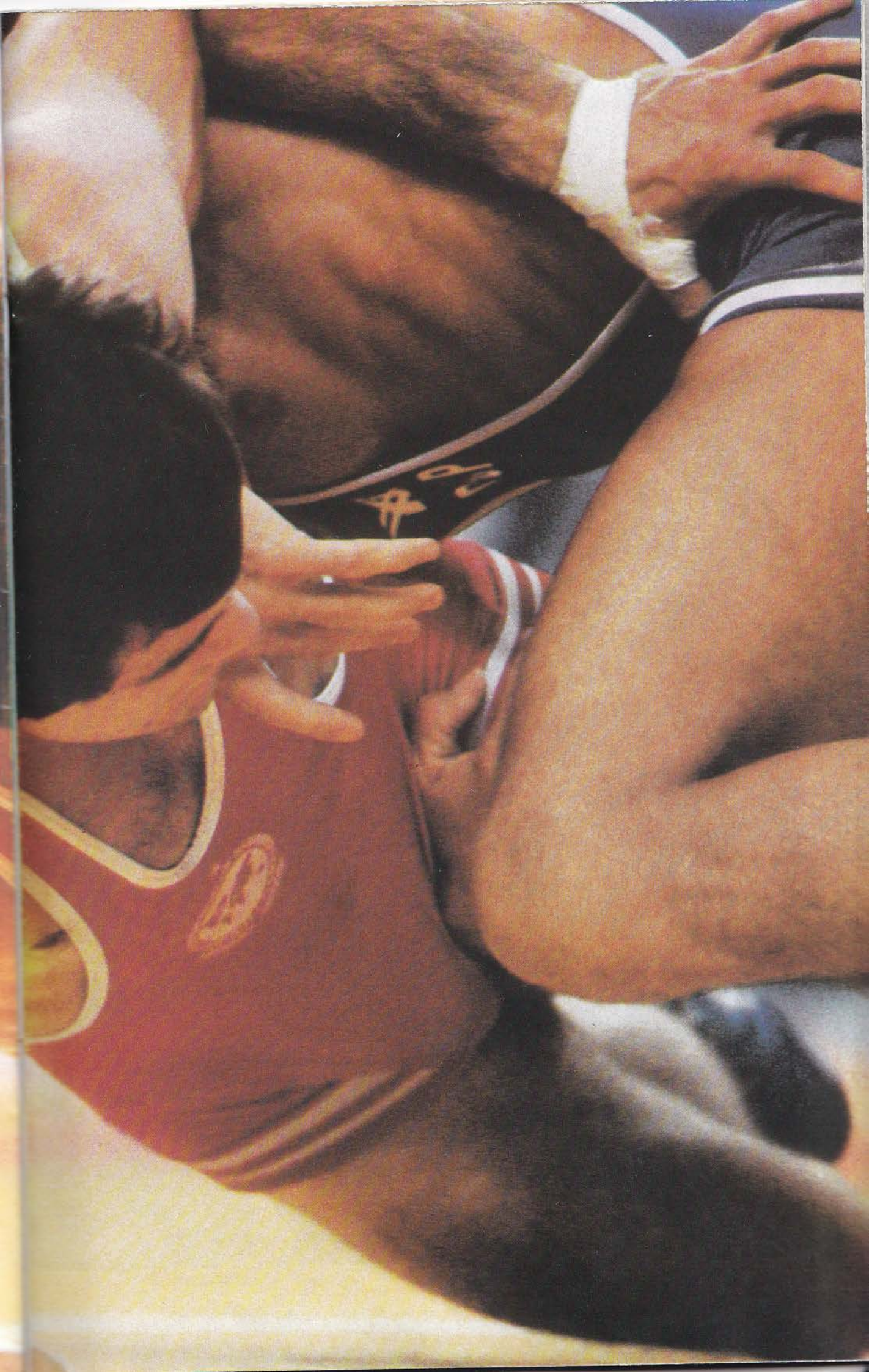
больше стимулов для совершенствования техники, тренировки воли и работоспособности. Потому что они стараются победить тех, кто физически сильнее.

Таропин считает, что наставник, желающий подготовить большого мастера, не должен ждать, когда к нему явится талантливый мальчишка, он обязан сам искать его непрестанно. В этом поиске, кроме всего прочего, приобретаются опыт и навыки, без которых невозможен успех на тренерском поприще.

К примеру, придя после окончания Смо-







ленского института физкультуры работать в калининградскую ДЮСШ, он создал там семь групп, в которых насчитывалось более двухсот учеников. Занимался с ними с девяти утра до половины двенадцатого ночи. Естественно, в последней смене тренировались лишь те ребята, которым позволяли родители.

И все равно времени не хватало. Он перестал отлучаться из зала на обед. Кипятил воду на электроплитке, заваривал чай и заедал его бутербродами, взятыми из дому. Отпуском тоже не пользовался. И вот после двух лет такой жизни к нему пришли близнецы Белоглазовы. Могли ли они не прийти? Думается, что нет. Потому что к тому времени Таропин, который не стеснялся в рекламных целях демонстрировать свое мастерство на всех городских соревнованиях, успел уже свести близкое знакомство с несколькими тысячами юных калининградцев и слава о нем разнеслась по всей округе.

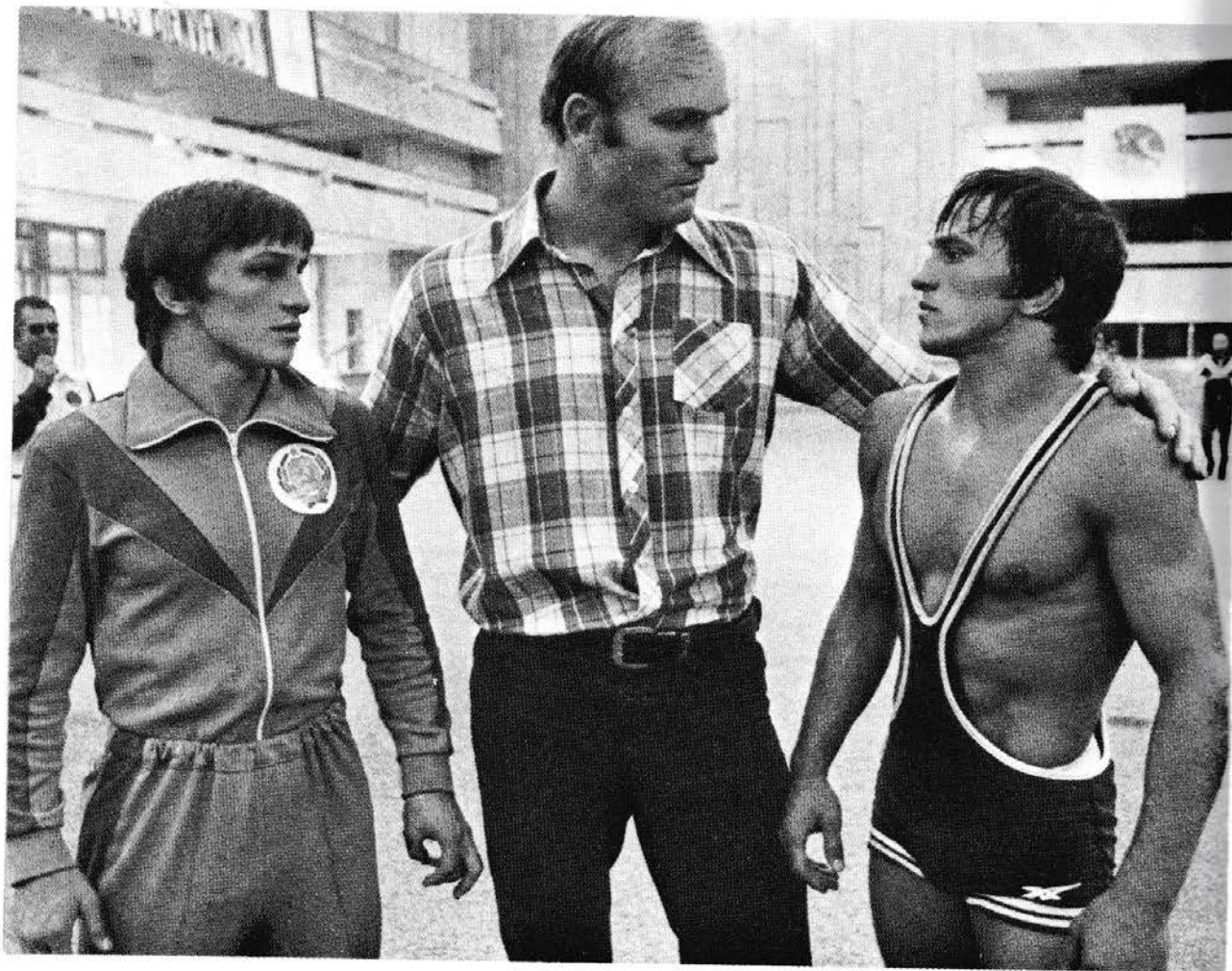
Примечательно, что тогда в калининградской ДЮСШ трудился еще один такой же одержимый молодой педагог. Это был тренер по легкой атлетике Алексей Илюшников, который набрал себе еще больше учеников, чем Таропин. Он также обедал на

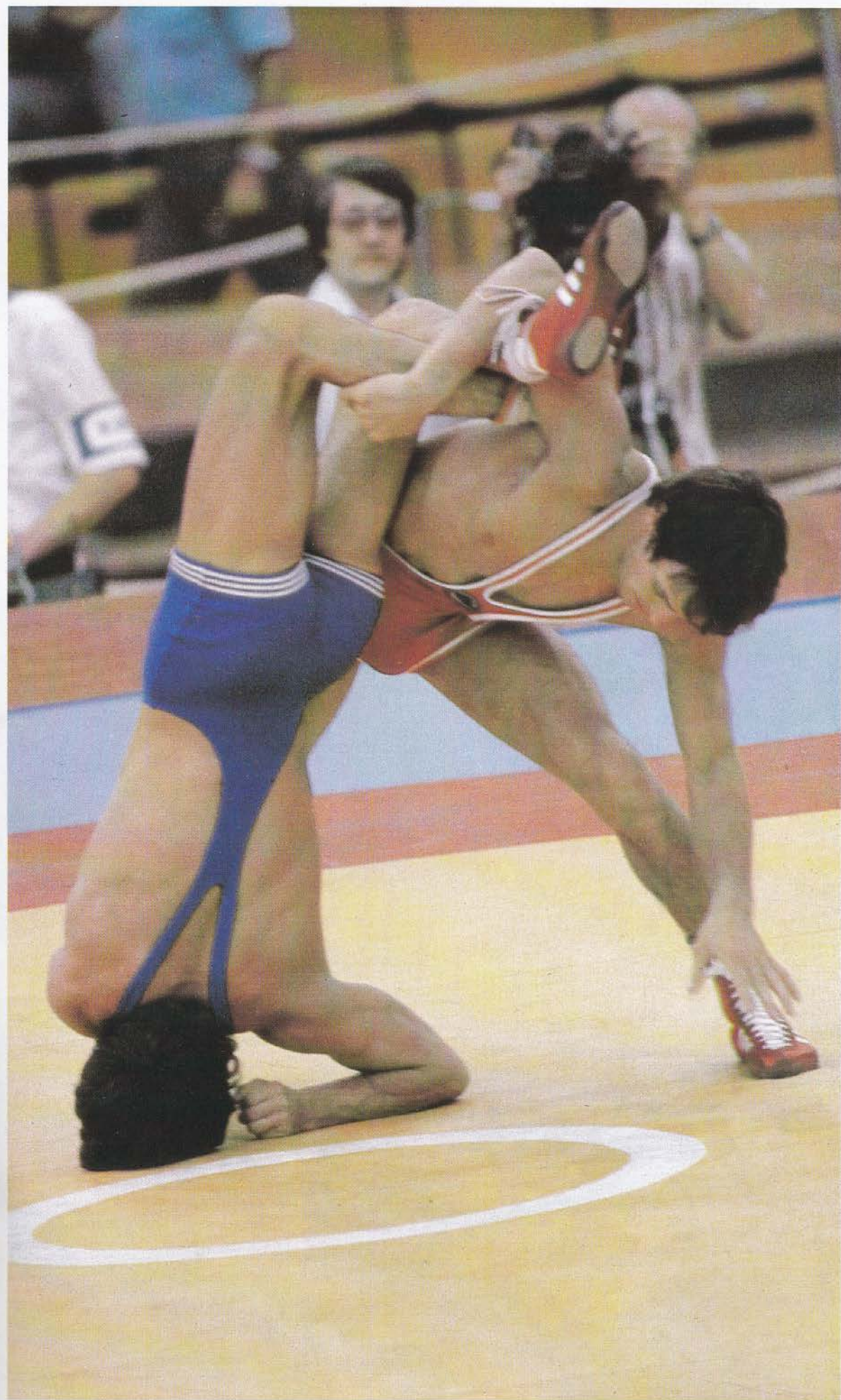
рабочем месте и не уходил в отпуск. Эти два честолюбца соревновались друг с другом, подстегивали друг друга. Старшие по возрасту коллеги предостерегали их: — Вы, братцы, на десять тысяч метров рванули, как на полторы тысячи. Смотрите, выдохнетесь.

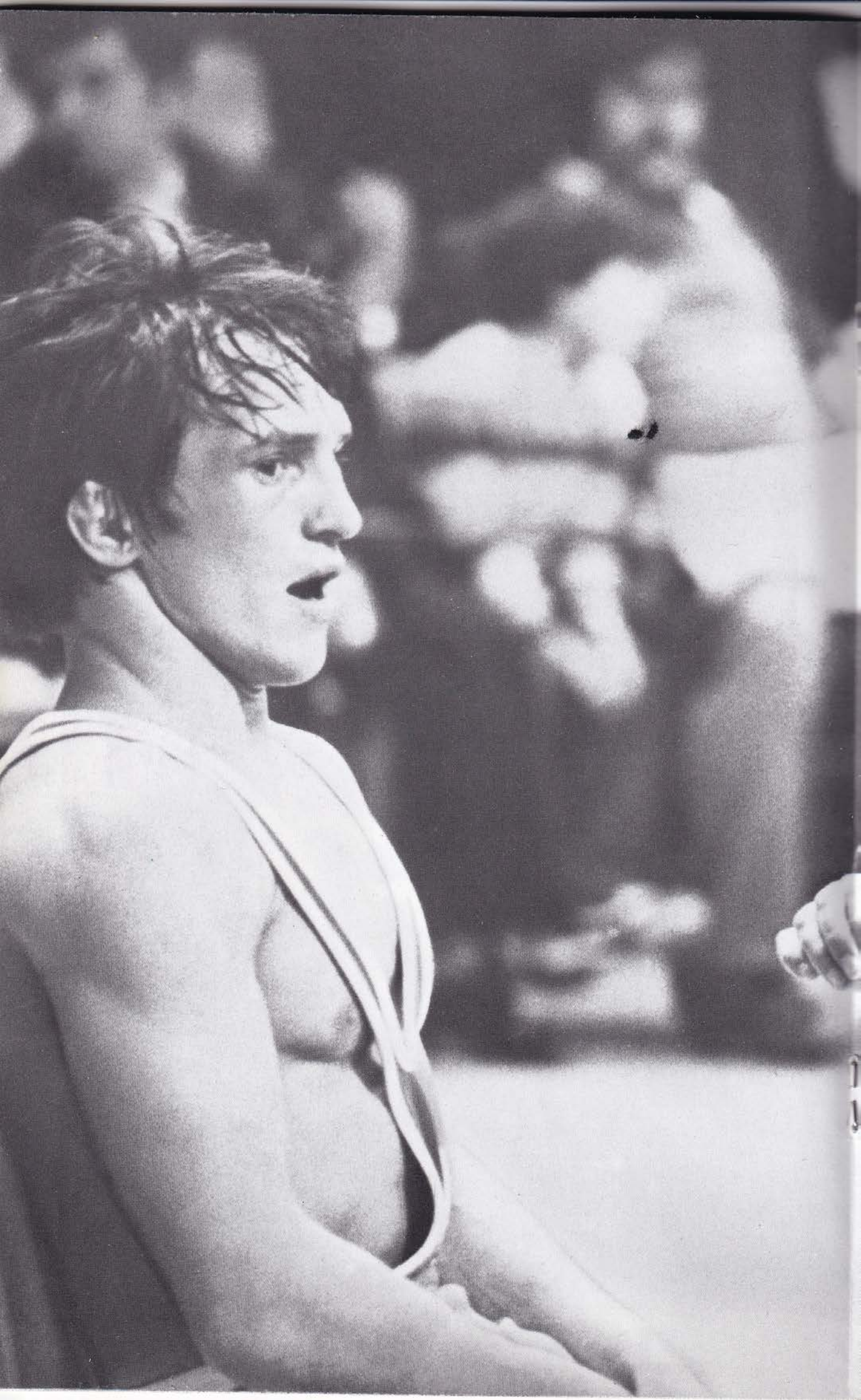
С Таропиным, как известно, этого не случилось. А Илюшников? Он нашел Ирину Назарову, которая затем под руководством тренеров сборной страны стала в составе нашей команды чемпионкой Московской олимпиады и победительницей соревнований «Дружба-84» в эстафетном беге 4×400 метров. Итак, два начинающих тренера, работающих бок о бок в обычной ДЮСШ, смогли открыть трех будущих олимпийских чемпионов. Тут уж не случайность, тут просматривается некая закономерность.

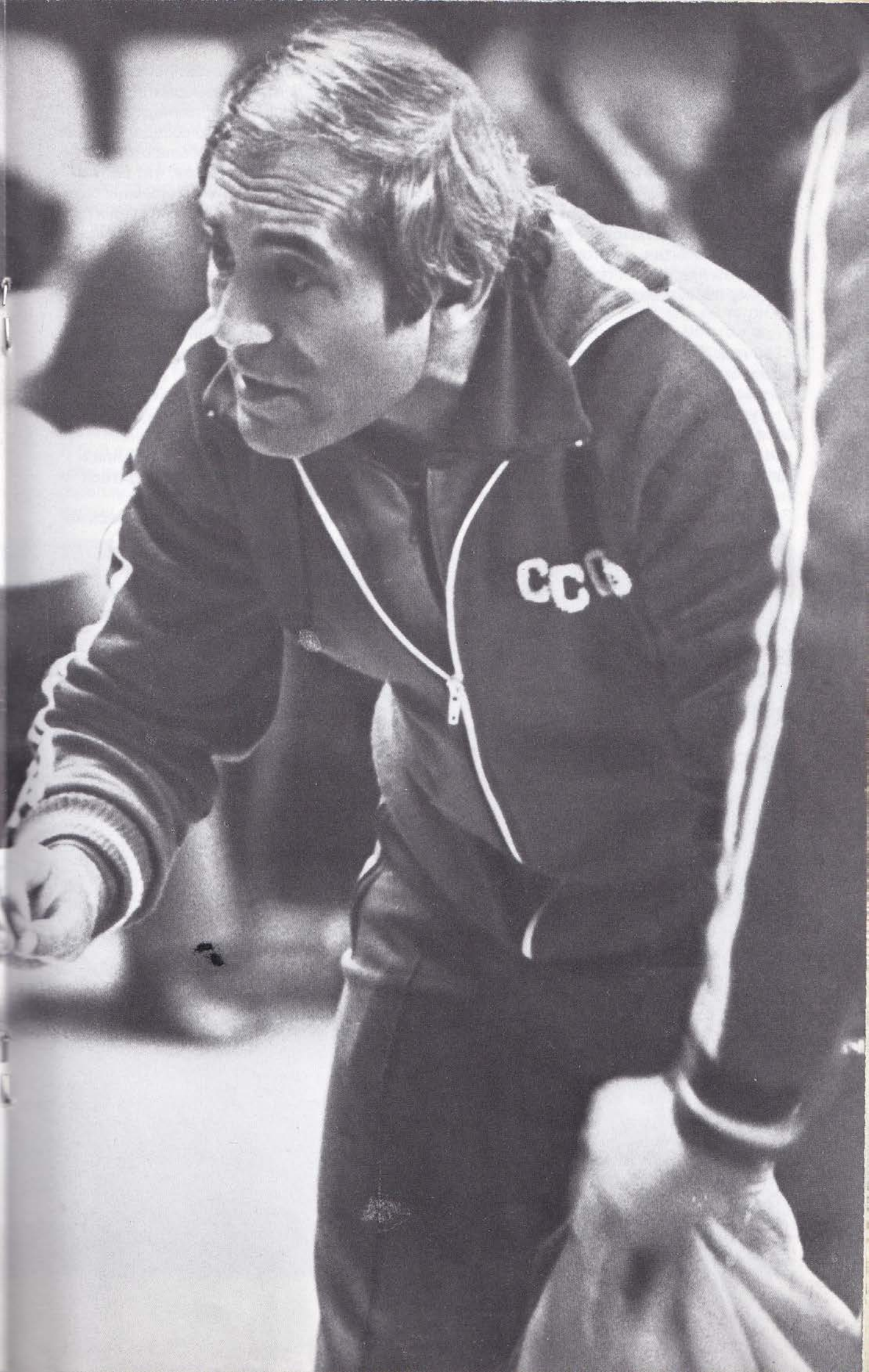
Но отчего сам Илюшников не довел Назарову до высшей ступени пьедестала почета? Он был слишком горяч, слишком торопился увидеть результат. Таропин же обладал большим терпением, не форсировал подготовку учеников. И объясняю я это не профессиональной его мудростью, а нрав-

Иван Ярыгин с братьями Белоглазовыми









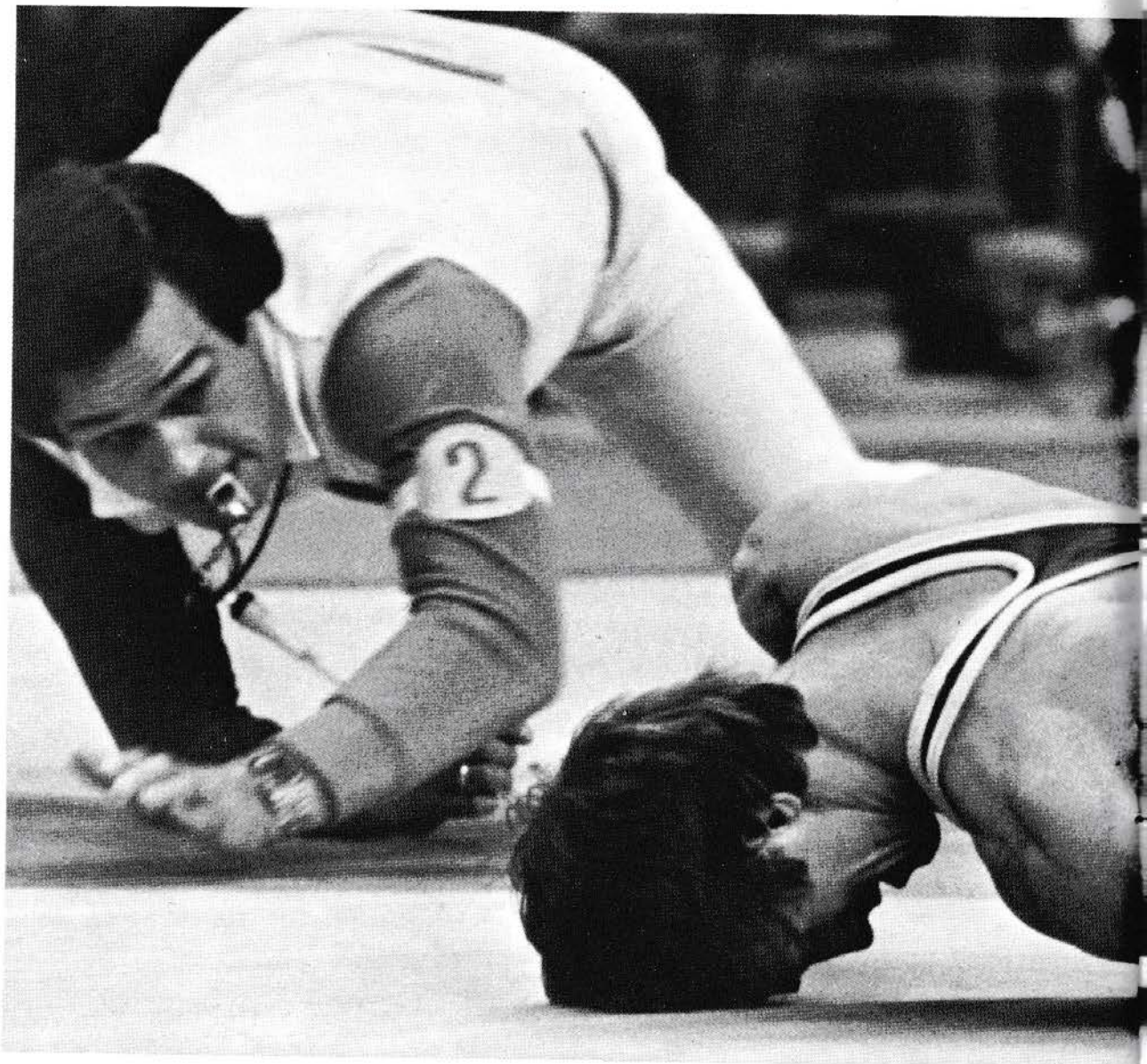
ственными качествами. Он не щадил себя в работе, но всегда заботился о здоровье и душевном комфорте воспитанников. Потому что ставил их интересы превыше собственных.

И снова я предлагаю совершить путешествие в прошлое. Причем в такое далекое, когда еще не было на свете не только близнецов Белоглазовых, но и их тренера. И все же события, о которых пойдет речь, на мой взгляд, имеют прямое касательство к этому повествованию.

1923 год. Тамбовщина. Совсем недавно здесь был подавлен кулацко-эсеровский мятеж, возглавляемый бывшим начальником уездной милиции Антоновым, изменившим Советской власти. Атамана при аресте застрелили. Но еще немало его сподвижников, прикрывшись личинами мирных землепашцев, разгуливает на свободе. Время смутное, тревожное.

А в селе Петровка свадьба. Крестьянин-бедняк Павел, отец восьмерых детей, выдает свою старшенькую, пятнадцатилетнюю Евдокию за богатого соседа. Что мне известно о невесте? Она была с характером. Окончила пять классов, что по тем временам для сельской жительницы было редкостью. Вопреки воле родителей и пренебрегая опасностью, вступила в комсомол.

Отец же боялся за дочь. И однажды, когда она должна была идти на собрание ячейки, запер ее в чулане. А комсомольцы не посчитали это уважительной причиной и за неявку влепили девушке строгий выговор. Спустя годы она поведала об этом сыну не с обидой, а с гордостью: вот, мол, как мы строго спрашивали друг с друга, как высоко несли комсомольское звание. А богатого соседа Евдокия не любила и женой его быть не хотела. Но родители принудили дать согласие. И все же свадьба кончилась ничем. Отлучилась не-

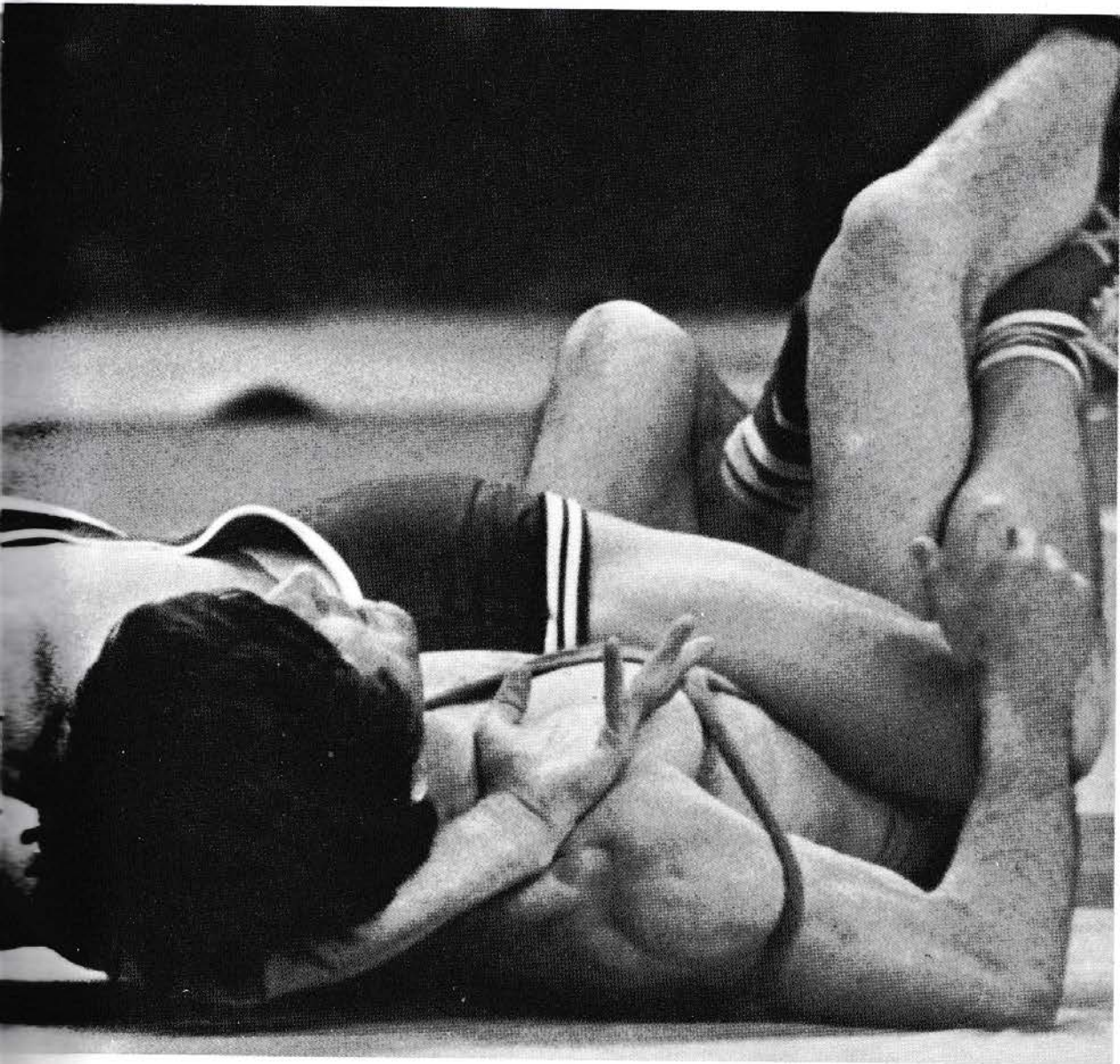


веста на минутку от стола и пропала. Кинулись искать и обнаружили, что вместе с нею исчез из села еще один член комсомольской ячейки — восемнадцатилетний кузнец Иван. Тогда и сообразили, что это чумазный кузнец умыкнул светловолосую, голубоглазую Евдокию.

Объявились они лет через пять. Прислали родителям весточку из южного города Баку. Вот аж куда забежали! Писали, что на первых порах туга им пришлось. И неизвестно, как бы все кончилось, если бы не подобрала их, голодных, больных, на улице незнакомая женщина и не привела к себе в дом жить. И жили они у нее не день и не два, а до тех пор, пока деревенский кузнец Иван не получил профессию нефтяника и не встали они с Евдокией крепко на ноги. А сына той женщины тоже Иваном звали. И был это Иван Фиолетов, один из двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных англичанами в 1918 году в Закаспии.

Вот такая история! Ну чем же не сюжет для приключенческого кинофильма. А я ведь для краткости упустил множество живописных деталей, которые услышал от Гранита Ивановича Таропина — сына тех Ивана и Евдокии. Я его все о матери Ивана Фиолетова расспрашивал. Он же виновато разводил руками и говорил, что мало что о ней знает, так как родился уже не в Баку, а на Сахалине.

Выяснилось, что в 1938 году его отца, уже опытного бурового мастера, отправили туда будто бы нефть искать. А ее то ли не оказалось, то ли еще что-то, но стал он трудиться в рыбацкой артели. Здесь, на северной оконечности острова Сахалин, в селе Пильтун в 1940 году у Евдокии родился мальчик. А поскольку до этого в семье Таропиных младенцы мужского пола умирали, то местные старухи и посоветовали: «Назовите сына Гранитом. Чтобы был крепким, как этот камень, и преодолел все невзгоды».





Оправдывать свое необычное имя Гранит начал с шестилетнего возраста, когда его отец ушел на промысел в море и не вернулся. Теперь он стал главным помощником матери, у которой кроме него были еще две дочери и сынишка, родившийся в день гибели мужа. В общем, пришлось Евдокии Павловне хлебнуть лиха. Но когда в 1971 году, незадолго до ее смерти, старший сын посочувствовал: «Трудно вам было, мама, растить нас четверых», она энергично запротестовала: «Да что ты, мы всегда хорошо жили!»

Зачем я все это рассказал? А затем, что у меня сложилось впечатление, что братья Белоглазовы унаследовали некоторые черты тех комсомольцев 20-х годов через своего тренера. Обычно мягкий и деликатный в общении, он становится жестким и непримиримым, когда дело касается принципиальных вопросов. За что нелюбим, как говорится, отдельными коллегами и руководителями. Один его бывший сослуживец рассказывал мне, что лет десять назад Гранит Иванович отказался вступить в партию, потому что ему предложил это как подачку морально нечистоплотный человек.

От Анатолия же и Сергея не так давно слышал, что стать коммунистами им посоветовал Гранит Иванович. Он бы и сам обязательно последовал их примеру, если бы не полагал, что ему, прожившему почти полвека, делать это уже поздно. По мнению же коммунистов Белоглазовых, такие люди, как их тренер, сейчас очень нужны партии.

А борцом Таропин стал так. В шестнадцатилетнем возрасте прочитал книжку о российском борце Иване Фроловиче Шабанове, проживающем в Туле; как тренировал он в родном городе молодежь. С той поры даже во сне видел себя его учеником. И после окончания десятилетки тотчас отправился в Тулу. Устроился там работать каменщиком, получил койку в общежитии. А когда немного освоился на новом месте, разыскал Шабанова и попросился к нему в секцию.

Прозанимавшись два года под его руководством, двадцатилетний каменщик Таропин выполнил норматив мастера спорта. Но Иван Фролович заявил, что с подготовкой документов на присвоение этого звания следует повременить. Так как ученик настолько легко и быстро достиг его, что даже не успел осознать, какая это великая честь. К тому же и от прохождений в ноги он пока защищается плохо...

В общем, пришлось Таропину выполнять

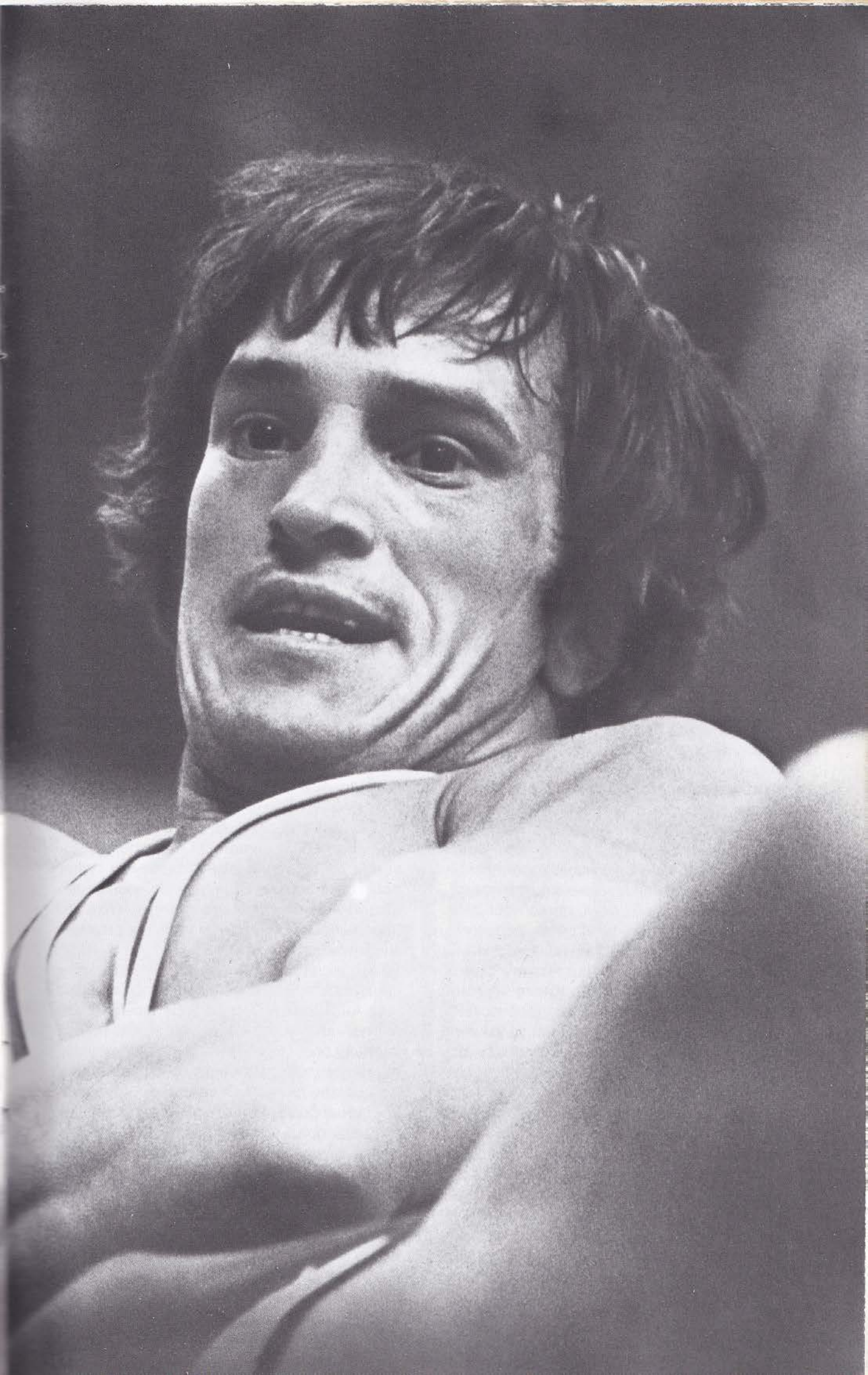
норматив мастера спорта вторично. Он сначала крепко обиделся на тренера, но впоследствии понял, насколько прав был известный в прошлом борец Шабанов. И о втором своем тренере, Алексее Петровиче Хренове, с которым встретился, когда уже учился в Смоленском институте физкультуры, Таропин вспоминает с величайшей признательностью. Он говорит, что и сейчас, собираясь принять важное решение, обязательно прикинет в уме, а как бы поступил в этом случае Хренов.

Интересно, что нечто подобное я услышал и от братьев Белоглазовых. Только они стараются представить, как Таропин, будучи на их месте, поступил бы в той или иной ситуации. Когда-то при первом знакомстве он сказал им:

— Никакой нечестности не потерплю! Почему Анатолий и Сергей так запомнили эти слова? Потому, что имели возможность убедиться: у их тренера слова не расходятся с делом. Он не терпит нечестности, проявленной по отношению к другому человеку, к делу, к себе. Да, да, и к себе. Таропин считает, что умение быть честным с самим собой столь же важно для становления большого мастера, как и умение быть самостоятельным. И он всячески старался развивать эти качества у учеников. Вот, например, как Гранит Иванович воспитывал в них самостоятельность в калининградской ДЮСШ. В начале лета, перед тем как отпустить ребят на каникулы, он их собирал на торжественную линейку. Благодарил за добросовестное отношение к тренировкам, желал хорошего отдыха. И предлагал:

— А кто хочет, может приходить в зал. Только каждый будет сам себе тренер. Потому что у меня тоже отпуск. Каким был отпуск у Таропина, мы уже знаем. Он по-прежнему с раннего утра и до ночи проводил в зале. Но в ребячью возню вмешивался лишь тогда, когда возникала опасность, что они могут травмировать друг друга. Среди тех, кто так проводил лето и тренировался самостоятельно, всегда были и братья Белоглазовы. Как-то я поинтересовался у Гранита Ивановича, отчего он так внешне спокоен, когда выступают его питомцы. Не суетится возле ковра, не выкрикивает им советов. Таропин ответил, что учить ученика нужно на тренировках. Во время же схватки борец все равно ничего не слышит. И что-то посоветовать ему можно только в перерыве, когда он немного остынет. А вообще-то атлет, достигший мастерского рубежа, должен сам знать, как бороться с тем или





иным соперником, а не ждать каждый раз подсказки от тренера.

И самостоятельность следует проявлять не только на соревнованиях, но и в соблюдении режима. Вот Анатолий и Сергей без всяких напоминаний всегда вовремя ложатся спать, всегда делают утреннюю зарядку. Не пьют, не курят. А через неделю после победы на Московской олимпиаде снова пришли в зал и стали тренироваться, как прежде...

А теперь давайте вернемся к турниру «Дружба-84», с которого я начал этот рассказ. К тому времени братья Белоглазовы уже закончили институт физкультуры, и перед самым их отъездом в Софию я спросил у них, могли бы они сейчас обойтись без тренера. И сразу понял, как много потерял в глазах собеседников. Сергей осуждающе посмотрел на меня и с нажимом заметил, что Гранит Иванович для них не только учитель, но и старший друг. Анатолий же удивился:

— А зачем это нужно — без тренера?

И рассказал, каким был для него прошлый сезон, когда чемпионат мира проводился в Киеве. Анатолий давно мечтал выступить в городе, где живет. Наконец такая возможность представилась, а он тяжело заболел. И когда до открытия турнира оставалось всего три месяца, Анатолию сделали серьезную полостную операцию.

После нее Таропин его, слабого как ребенка, буквально за руку провел через все стадии восстановления. И на старте киевского чемпионата мира он боролся великолепно. Казалось, все в порядке. Желая доказать это всем, и прежде всего себе, Анатолий в поединке с болгаринцем Валентином Иордановым излишне торопился, не доводил действия до конца и проиграл. Он радовался за Сергея, легко победившего всех соперников. И очень переживал свою неудачу. Но Таропин не позволил ему долго переживать. Сказал, что его схватка с Иордановым, ставшим в Киеве чемпионом мира, до мельчайших подробностей записана на видеомэгнитофон. И им необходимо тщательно изучить эту запись, придумать, как будут бороться с болгарским атлетом в следующем году.

И надо же такому случиться, в Софии на турнире «Дружба-84» жребий свел Анатолия Белоглазова с Валентином Иордановым уже в первой встрече. Вначале каждый из них заработал по баллу. Но затем ученик Таропина доказал, что не даром вместе с тренером провел много часов перед видеомэгнитофоном. Он успешно отразил все коронные приемы Иорданова,

сам же атаковал безудержно. Схватка была остановлена ввиду явного его преимущества. После нее старший тренер сборной Болгарии поздравил Таропина и сказал:

— Мы ведь тоже готовились к этому важному поединку — все предусмотрели, но Анатолий превзошел самого себя.

На сей раз оба Белоглазовых стали обладателями высших наград.

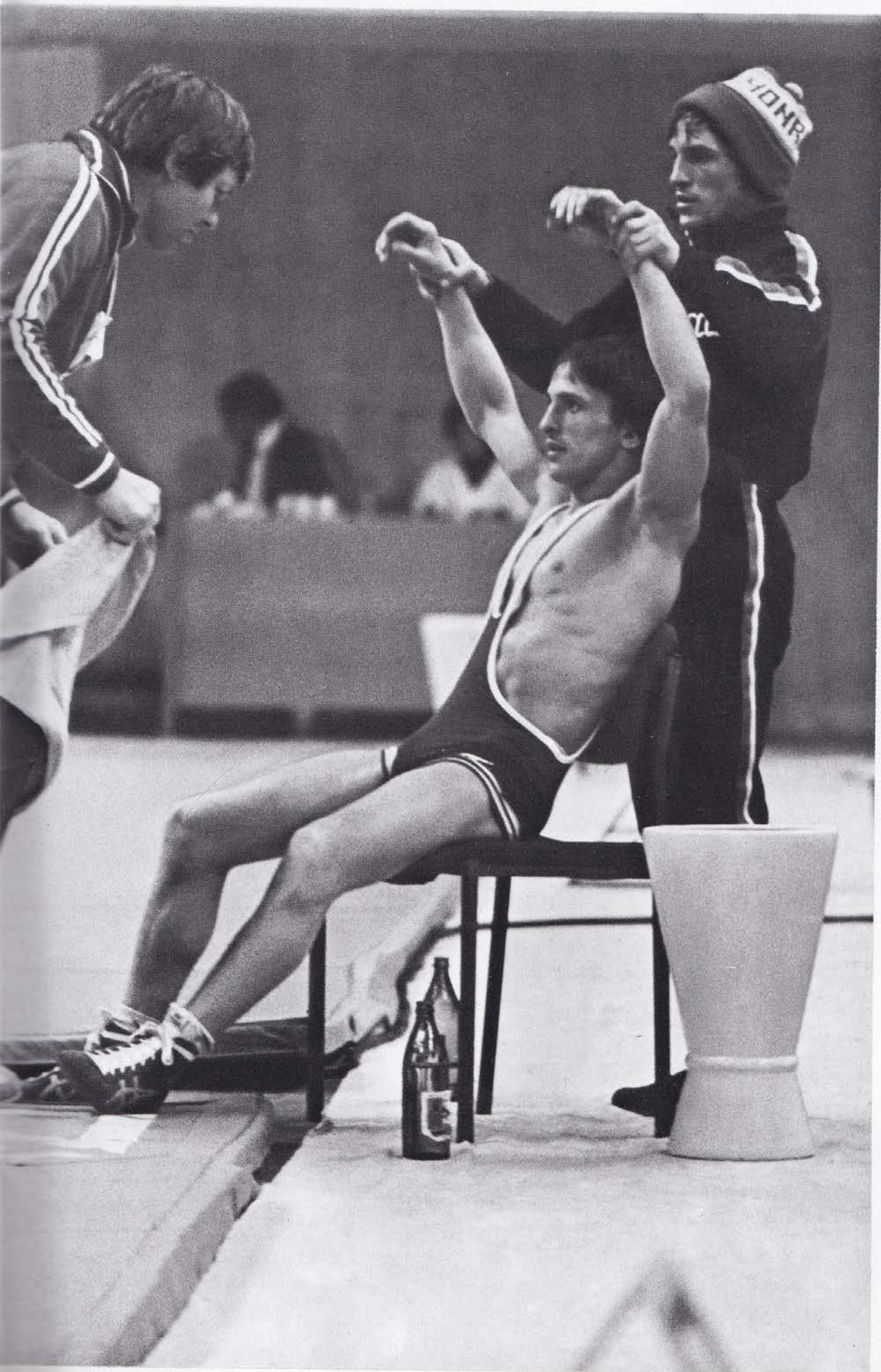
А как же афганские борцы, о которых заботился Таропин? Они были еще не в силах соревноваться на равных с более опытными соперниками и радовались победам Анатолия и Сергея, как своим. Ведь тогда, в Софии, все они были учениками одного тренера.

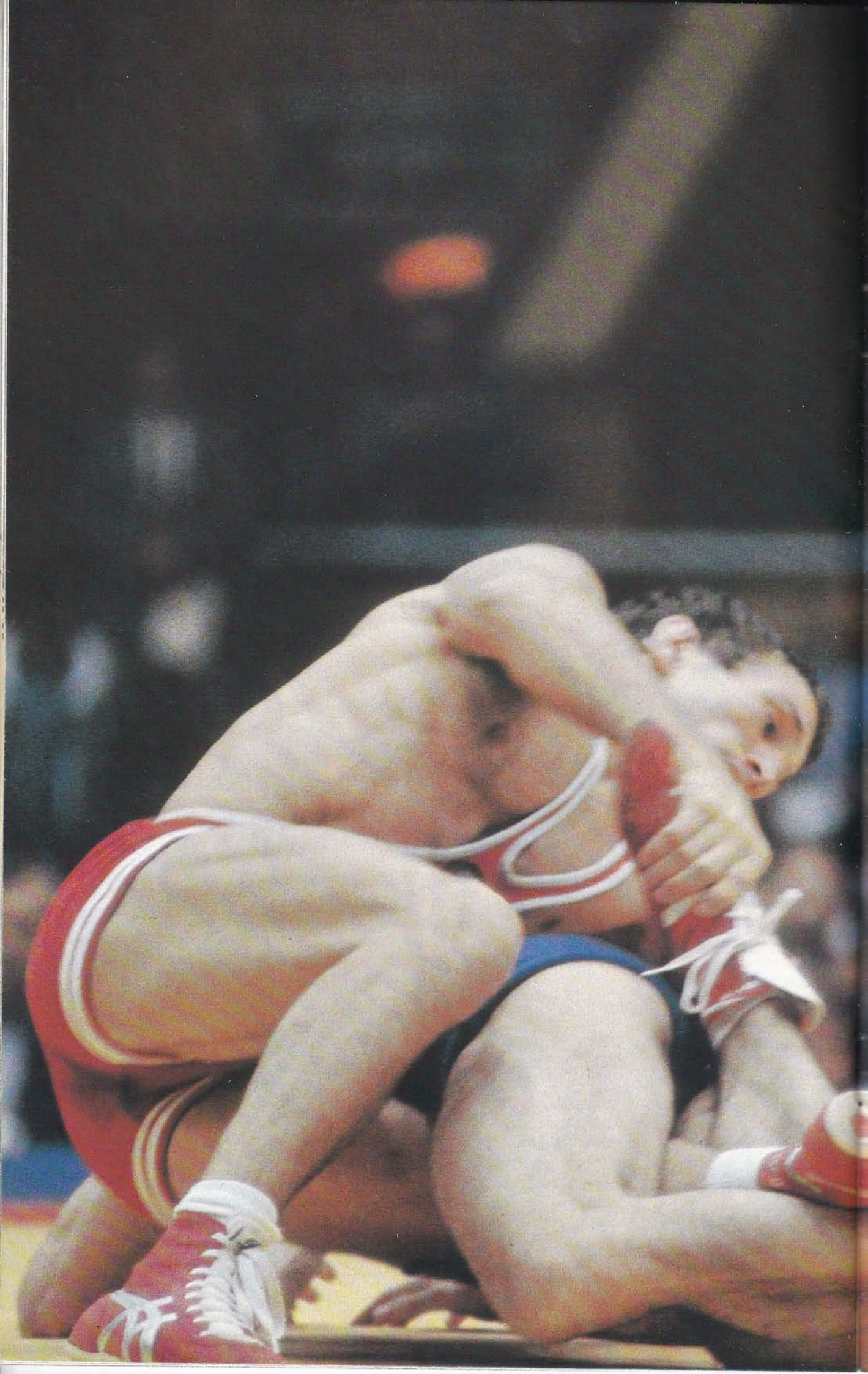
Но отчего я столь много внимания уделил «Дружбе-84»? Дело в том, что тогда, в Софии, Гранит Иванович в последний раз секундировал обоим братьям. А потом их триумфировать распался. Анатолий по настоянию врачей ушел с ковра и стал тренером. А Таропин, убедившись, что и без него есть кому присматривать за единственным оставшимся в строю Белоглазовым, отправился обучать «вольников» в далекую Индию. Думаю, что приобретенный в Софии, пусть и небольшой опыт работы с афганскими спортсменами ему там пригодится.

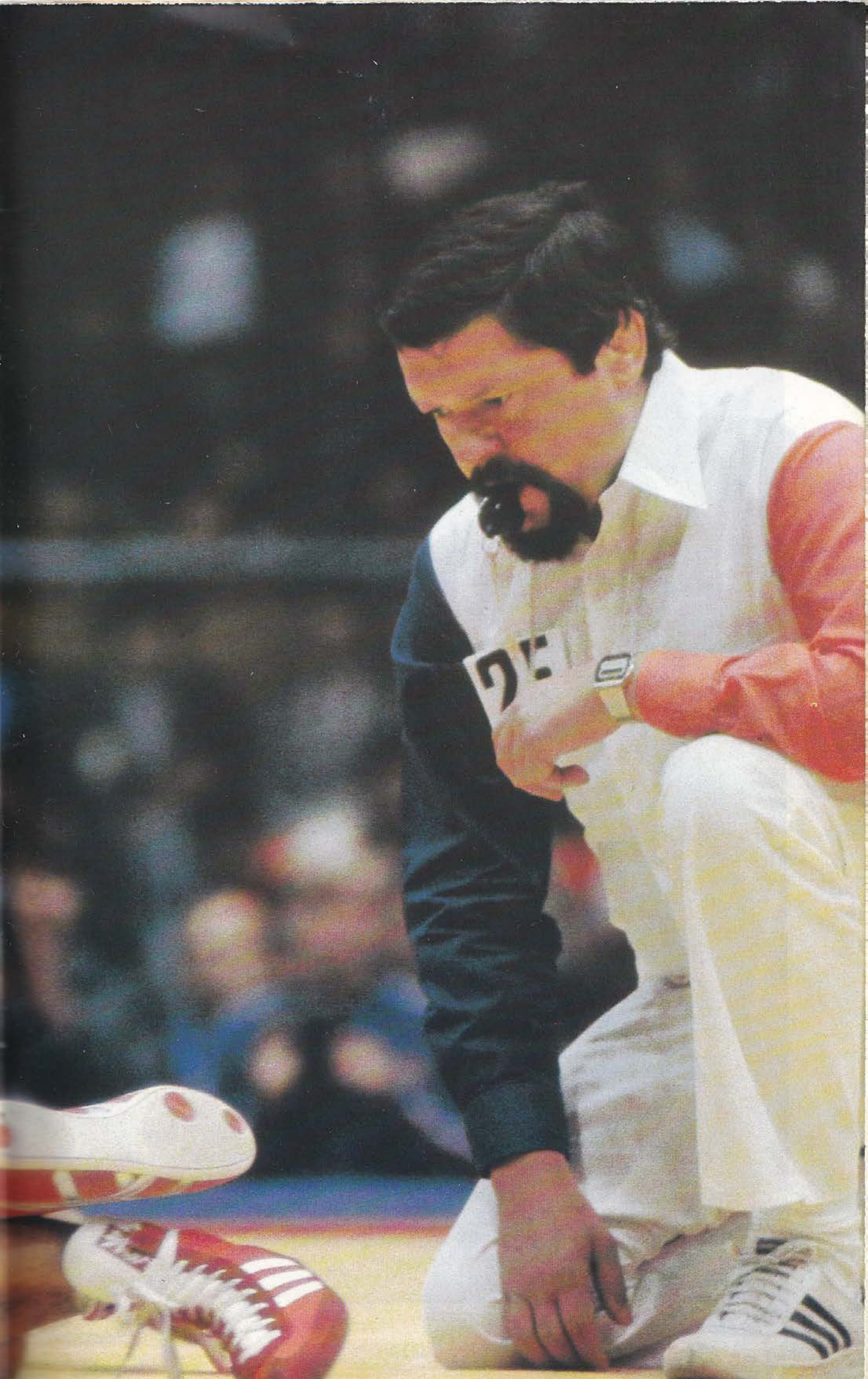
Но почему же все-таки не «Дружбу-84» и даже не Московскую олимпиаду, а чемпионат мира 1982 года считаю, как писал выше, самым счастливым для своих героев? Тогда, в Эдмонтоне, Анатолий в первый и последний раз соревновался в естественном для себя полулегком весе, перед всеми же прочими ответственными турнирами вынужден был худеть на восемь-девять килограммов. И это при том, что в его небольшом ладном теле никогда лишней жиринки не было.

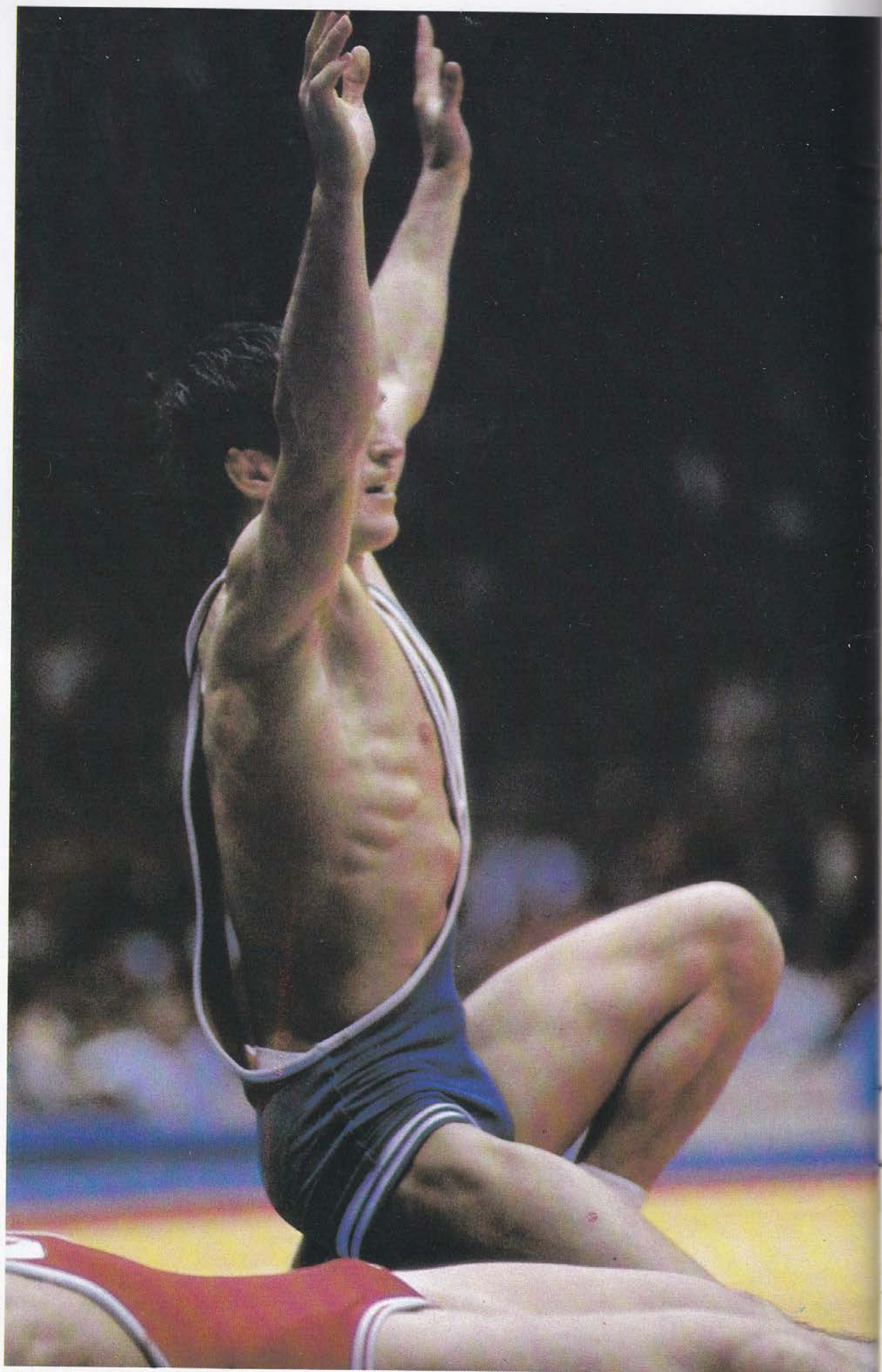
Зачем же он столь жестоко испытывал свой организм? Попробую объяснить. Прежде Анатолий и Сергей боролись в одной, наилегчайшей (48 кг), категории. А поскольку обычно оказывались сильнее соперников, то и решали судьбу первого места, можно сказать, в семейном кругу. Их поединки бывали предельно насыщенными; ведь братья досконально знали друг друга, и не успевал один из них провести прием, как второй начинал «контрить». Это чревато было самыми серьезными травмами. Но это же придавало их выступлениям особую остроту и зрелищность.

Вот пример. Когда питомцам Гранита Ива-









новича было по шестнадцать лет, он упрямился, чтобы их допустили участвовать во взрослом первенстве России, проводившемся в Белгороде. И уже на старте Анатолий произвел там сенсацию, выиграв у чемпиона республики оренбуржца Исакова. Сергей тоже весьма эффектно одолел старшего по возрасту конкурента. Победили они и во втором круге, и в третьем. А в четвертом — встретились лицом к лицу. Очевидцы рассказывали, что множество белгородцев захотели посмотреть, как борются близнецы. И не прогадали. Схватка получилась такой, что судьи забыли о секундомерах и заключительный период вместо положенных трех минут продолжался пять с половиной. Не исключено, что он бы длился и дольше, но вмешался Таропин и прозвучал гонг, возвестивший о ничьей.

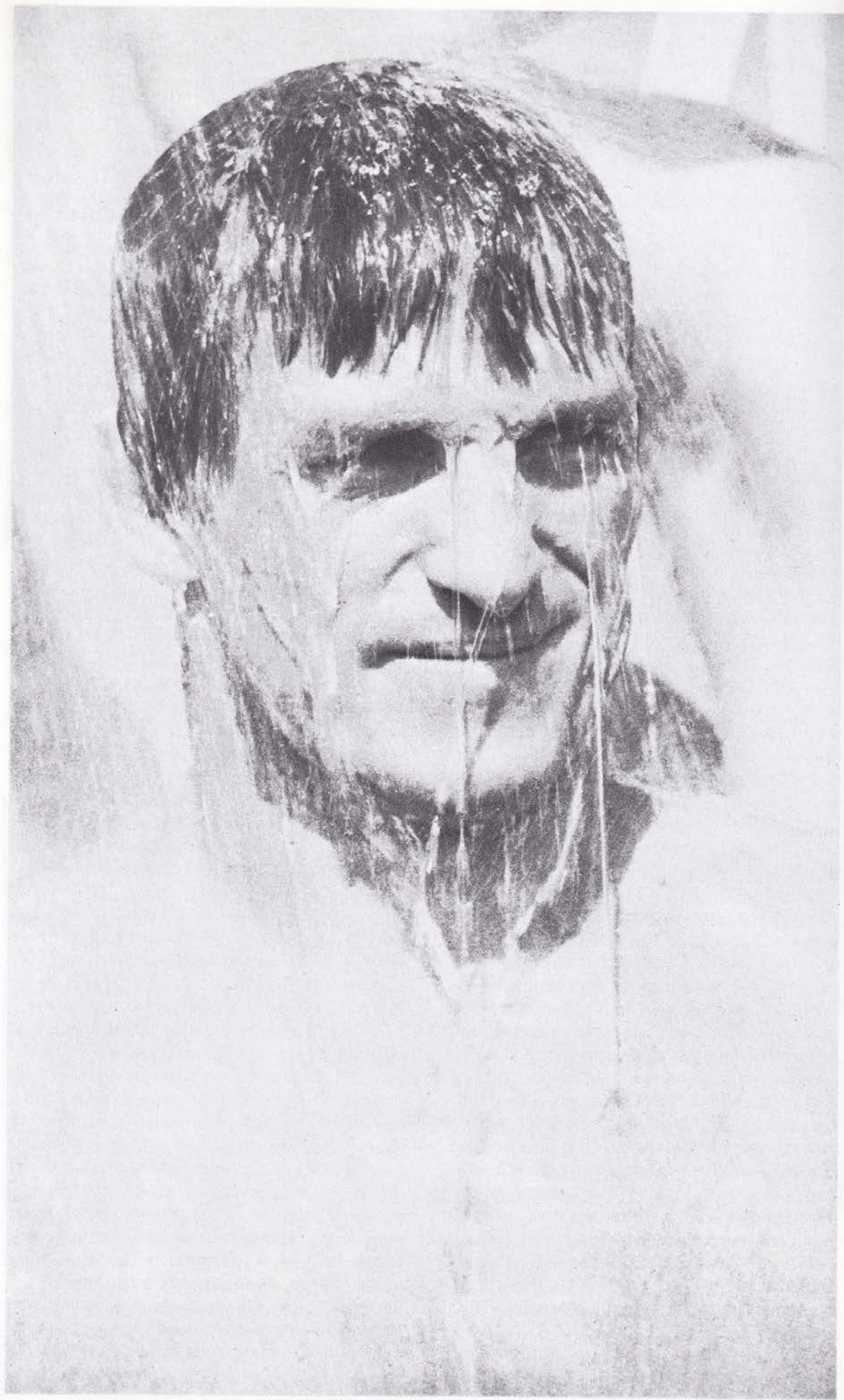
Следует отметить, что то были последние соревнования, на которых Белоглазовы противостояли друг другу. Об этом позаботился Гранит Иванович, опасавшийся, что братьям, наделенным столь могучим бойцовским темпераментом и неумейной жаждой лидерства, дальнейшее соперничество грозит не только физическими, но и душевными травмами. Могли нарушиться связи, которые соединяли близнецов и были их главной опорой в жизни. Впрочем, я допускаю, что Таропин, принимая свое историческое решение, наряду с моральными соображениями, руководствовался еще и честолюбивым стремлением иметь чемпионов не в одной, а в двух категориях. В общем, Анатолия, который был чуть легче, он оставил в прежнем весе, а Сергея перевел в более тяжелый. И пока тот осваивался в новой компании, Анатолий успел стать в 1976 году в Ленинграде чемпионом Европы. Сергей крепко ему завидовал. Но, как выяснилось впоследствии, это Анатолий должен был завидовать брату. Ранний его успех привлек к нему повышенное внимание тренеров сборной. А поскольку надежные маленькие богатыри — всегда дефицит, то они не прочь были подольше задержать Анатолия в той категории, в которой он отличился в Ленинграде. И в 1977 году на чемпионат мира в швейцарский город Лозанну ему предложили ехать снова в наилегчайшем весе, хотя он уже был чемпионом страны в легчайшем. — Толя, — сказали двадцатилетнему парню тренеры сборной, — ты же государственный человек и все понимаешь. Так надо!

Кому надо? Зачем надо? По молодости лет «государственный человек» Анатолий

Белоглазов не особенно над этим задумывался, он просто похудел на девять килограммов и у всех выиграл в Лозанне. А в следующем сезоне похудел на столько же и у всех выиграл на чемпионате мира в Мехико. На сей раз ему позволили соревноваться в легчайшей категории, но к этому времени он повзрослел, налился силой и приобрел свой окончательный вес — полупулегкий. Отчего же не перешел в него? Думаю, что из-за Сергея. Тот задержался с выходом на международный ковер. И Анатолий хотел, чтобы брат дебютировал на нем в самых благоприятных для себя условиях. А это означало, что он должен выступать в полупулегкой категории, поскольку близнецы успели сравняться и в росте, и в весе. Правда, от Сергея я слышал, что он на сантиметр выше (161). Но это отличие столь незаметно, что однажды произошла путаница, о которой сейчас расскажу. Вскоре после эдмонтонского чемпионата мира я приехал в Киев встретиться с Белоглазовыми. И они навестили меня в гостинице. Первым пришел Анатолий, и я записал на диктофон тот его монолог, с которым читатели уже знакомы. А потом явился улыбающийся Сергей. Выяснилось, что у него случился конфликт с дежурной по шестому этажу, на котором я жил. Он поинтересовался у нее, как пройти к моему номеру, она же сердито ответила, что уже показывала ему дорогу. И напрасно Сергей утверждал, что спрашивает ее об этом впервые, дежурная была непреклонна. — Вот, — с преувеличенной серьезностью пожаловался мне Сергей, — всю жизнь приходится страдать из-за собственного брата.

Он уличающе кивнул в сторону Анатолия. Но тот энергично и весело запротестовал: — Это еще неизвестно, кто из-за кого больше страдает!..

А потом я провожал Белоглазовых к лифту. И когда мы поравнялись со столом дежурной, она, увидев Анатолия и Сергея вместе, испуганно округлила глаза и даже ахнула. Так что на обратном пути я счел нужным объяснить ей, что в сходстве моих гостей нет ничего удивительного, так как они — близнецы. Лишь после этого дежурная успокоилась и призналась, что прежде приняла братьев за одного человека, который зачем-то захотел над ней подшутить. В тот же день я увиделся с Таропиным и, естественно, поведал ему о забавном происшествии. Он улыбнулся и сказал, что подобное уже бывало, и не раз. А случается, что братья и провоцируют такую путаницу, поскольку обожают всяческие розы-

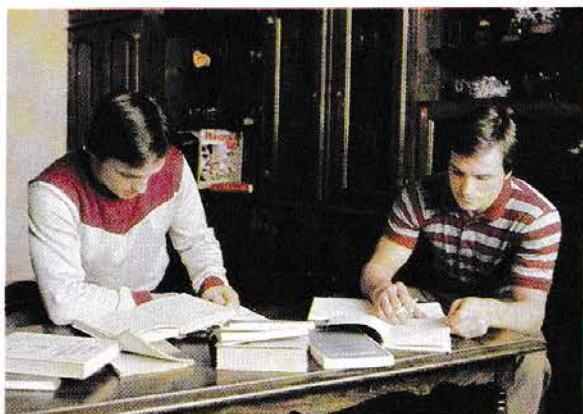


грыши. Впрочем, сходство у них лишь внешнее. А так они — люди совершенно разные. И в подтверждение своих слов Гранит Иванович привел два примера из борцовской практики учеников.

Первыми взрослыми международными соревнованиями для братьев Белоглазовых стал традиционный январский Тбилисский турнир 1975 года. И в первой схватке на нем Сергей встретился с очень неудобным соперником, знаменитым и опытным болгарин Филлиповым. Тот был на голову выше, боролся как «классик» и любил применять броски через грудь. Многих борцов побеждал он этим приемом. И Сергея, как только он пошел на обострение, Филлипов бросил через грудь. И сделал это так красиво, что заработал сразу четыре балла. В перерыве Таропин посоветовал ученику: «Измени тактику. Атакуй ноги с дистанции». Но Сергей самолюбиво ответил: «Я все равно его заброшу или накрою». То есть проведет тот же прием, что и Филлипов. Ничего, конечно, у него не получилось. И во втором периоде высокий болгарин снова бросил его через грудь и к своим прежним четырем баллам добавил еще четыре. Только после этого Сергей спохватился, внял совету тренера, стал проходить в ноги и выиграл со счетом 16:8. В общем, по словам Таропина, получалось, что Сергей, когда в форме, то аж звенит; кажется, дай ему волю — и полетит. Но волю ему давать нельзя. Он тоже имел возможность выступить еще в 1977 году на чемпионате мира в Лозанне. Его в команду включили, форму выдали... А он вечером, накануне отъезда, перетренировался и ногу повредил... Толя — другой; он каждую возможность умеет использовать на все сто процентов.

И Таропин рассказал, как на чемпионате мира в Лозанне Анатолий боролся в финале с японцем Фудзисава. До конца схватки оставалось двенадцать секунд, они находились в разных концах ковра, и Фудзисава выигрывал два балла. Пока сблизились, еще пять секунд прошло. Толя сбил японца и теперь по всем правилам должен был забежать назад и отыграть один балл. Но вместо этого он вдруг катнул соперника вперед, как бревно. Фудзисава, конечно, совершенно этого не ожидал.

Потому и встал на мост. А Толя держал его. И судья отсчитывал «опасное положение». А при счете «пять» прозвучал гонг, но Толя уже успел получить три нужных ему балла и впервые завоевал звание чемпиона мира. Гранит Иванович победителя



унес на руках с ковра, а пока нес, все спрашивал: «Как это у тебя получилось? Случайно?» «Нет, — ответил Анатолий. — Я в уме просчитал, что все равно один балл мне ничего не дает. Вот и решил рискнуть». В тот приезд в Киев я поинтересовался у Таропина, кто из Белоглазовых более талантлив. И он твердо ответил, что оба талантливы одинаково. И еще сказал, что теперь он за близнецов спокоен, поскольку они в Эдмонтоне хорошо зарекомендовали себя в новых категориях: Анатолий — в полулегкой, а Сергей — в легкой. Я спросил, отчего же он их раньше не перевел в эти категории? Таропин объяснил, что разные были причины, и не последняя среди них — его собственная неопытность. Он всегда тощим был: при росте сто восемьдесят один сантиметр весил семьдесят четыре килограмма. И что такое сгонка веса, понял лишь в 1979 году, когда Анатолий готовился к своему третьему чемпионату мира, который должен был состояться в американском городе Сан-Диего. За месяц до этого он победил в легчайшем весе на Спартакиаде народов СССР. И решил уже до отъезда в Америку не поправляться. Потому что в то время его травмированный регулярными похудениями организм обнаружил удивительную способность — он стал отвечать ударом на удар: в канун каждой очередной голодовки вес Анатолия без всякой на то причины подскакивал на два-три килограмма. В общем, чтобы не подвергать себя новым мукам, он продержался месяц, питаясь почти одним воздухом. И это оказалось не так уж трудно; только поглупел малость да передвигался как сонная муха. Зато, когда вышел на ковер в Сан-Диего, почувствовал себя будто в кошмарном сне: все видел, все понимал и даже знал, что следует делать, но истощенные длительным постом мышцы отказывались работать. Он проиграл тем, у кого легко выигрывал на двух предыдущих чемпионатах мира, и занял шестое место.



У Анатолия дочка и сын. И у Сергея сын и дочка. Старший брат, как и положено старшему, стал семейным человеком раньше. В 1977 году, незадолго до первого своего чемпионата мира, двадцатилетний Анатолий признался Граниту Ивановичу Таропину, что влюблен и хочет жениться. Впрочем, он пообещал, что поступит так, как посоветует тренер.

Таропин после этого ночь не спал, все думал: не повредит ли ранняя женитьба борцовской карьере Анатолия? А если даже и повредит, то имеет ли он право отказывать ученику в личном счастье? На следующий день Гранит Иванович со вздохом сказал ему:

— Поступай так, как считаешь нужным.

Анатолий, естественно, тотчас женился. И, как показало дальнейшее, это пошло ему на пользу во всех отношениях. Так что же получается, семейная жизнь способствует достижению спортивных успехов? Анатолий на это отвечает неоднозначно:

— Все зависит, — говорит он, — от того, какая жена тебе досталась. Вот некоторые борцы на сборах места себе не находят, переживают, что там дома поделывают их ненаглядные. А я спокоен. У моей



Аллы общественный темперамент, стоит ей выйти на улицу, и сразу вокруг нее собираются старушки, дети... Но я знаю, что без меня она даже в гости не пойдёт. Ей без меня в гости ходить неинтересно. Жена во всем помощница. И в занятиях борьбой тоже. Когда дети были маленькими, она не позволяла мне к ним ночью вставать. Говорила: «Спи, тебе надо копить силы для завтрашней тренировки».

Справедливости ради следует отметить, что у детей Анатолия и Аллы с момента их появления на свет была заботливая няня. Няня по имени Сергей. По его словам, он на шесть лет дольше брата ходил в холостяках лишь потому, что тот с женой по вечерам систематически убегали в театр, кино, а он нянчился с племянниками.

Ну что же, теперь Анатолий и Алла нянчатся с племянниками, когда Сергей с женой ведут светскую жизнь. С холостяцким положением младший из Белоглазовых расстался в 1983 году, сразу же после чемпионата страны, на котором завоевал право выступать на чемпионате мира в канадском городе Эдмонтоне в непривычно тяжелой для себя легкой категории. А избранницей его стала гандболистка Наташа Ермоленко, чемпионка мира среди молодежи, выступавшая за киевский «Автомобилист».



После этого Таропин и Анатолий пришли к выводу, что в следующем сезоне перед Олимпиадой в Москве нужно будет не держать вес, а постараться согнать его одним массированным ударом. Но почему все-таки Гранит Иванович и на сей раз не попытался перевести Анатолия в более высокую категорию? А он понимал, что его никто и слушать не станет. Или послушают и вообще не захотят выпустить на олимпийский ковер атлета, замкнувшего шестерку на предолимпийском чемпионате мира.

Да и Сергей в Сан-Диего вынужден был довольствоваться «серебром». А для наших борцов вольного стиля — это неудача. Впрочем, вины Сергея здесь не было. Он, хотя и впервые соревновался на турнире такого ранга, чисто выиграл шесть схваток, а в седьмой — финальной — судьи отняли у него победу и отдали ее японцу Хидзаки Томияма. Я об этом пишу так уверенно, потому что имел возможность просмотреть видеозапись их поединка, которая убедительно свидетельствует, что Сергей выиграл со счетом 7:3. Отчего же судьи поступили так несправедливо? Наверное, потому, что он был дебютантом, а его соперник — чемпионом мира.

Сергей мечтал взять реванш у Хидзаки Томияма на Московской олимпиаде. Но японцы, как известно, к нам не приехали. А потом Сергей три года гонялся за Хидзаки по городам и весям. Но первым догнал его Анатолий. И произошло это на чемпионате мира 1982 года в канадском городе Эдмонтоне... Но прежде об Олимпиаде. Братья боролись на ней мощно, артистично и кроме золотых медалей завоевали всеобщие зрительские симпатии. Вот как оценил их выступление поэт Николай Добронравов:

Ваши схватки запали, словно музыка, в душу
нам,

Были цепки захваты и атаки легки...

Ах, с каким наслаждением люди прослушали
Олимпийский концерт ваш в четыре руки!

Значит, тот способ сгонки веса, который на сей раз применил Анатолий, оказался удачным? Вообще-то — да. И все же, все же... Мне запомнилась его схватка с монголом Нанзадыном Бургэдалом. То был поединок, оставивший у людей непосвященных, к которым в то время принадлежал и я, весьма странное впечатление. На первых минутах Анатолий в прекрасном темпе, изящно выиграл три балла. И вдруг остановился. В этот момент он выглядел

не живым человеком, а механическим манекеном, у которого испортился мотор. Монгол же, заметно удивляясь той легкости, с которой у него это получилось, провёл два броска и повел в счете 4:3. Лишь после этого Анатолий словно бы ожил, зашепел, засуетился и все же сумел победить. Но всех заставил поволноваться изрядно. А одну молодую симпатичную женщину так даже до слез довёл.

— Знаешь, кто это? — спросил меня сидящий рядом журналист. — Люба Таропина, жена тренера Белоглазовых. Она греблей занималась, вторым призером Союза была. Даже непонятно, отчего сейчас так распеживалась. Ведь все кончилось благополучно.

Уже потом Гранит Иванович мне объяснил, что Люба плакала потому, что ей жалко было Анатолия. Тот никак не мог избавиться от последних лишних граммов. Уже все кости у него были видны, живот к позвоночнику прилип, а лишние граммы оставались. И пришлось ему перед схваткой с Бургэдалом снова мучиться в парной, пить слабительное... А на ковре у него повторилось то состояние «кошмарного сна», что и в Сан-Диего; благо на сей раз ему это состояние удалось превозмочь... После Олимпиады Таропин сказал Анатолию:

— Все! Больше ты в легчайшем весе бороться не будешь!

— А как же Сергей?

— Не знаю, — вздохнул Таропин. — Или вы по очереди станете бороться в полулегком. Или Сергея переведут в легкий. Легко сказать: переведу. Сергея-то уговорить было несложно: ему давно уже больно было смотреть, как брат мучается. Да и человек он такой: ему хоть тяжело-веса в противники подавай, он и тогда скажет: «Я все равно его заброшу». А как убедить тех, от кого зависит этот перевод? Казалось бы, чего проще, предоставьте борцам возможность выяснять на ковре, кто из них является сильнейшим в той или иной категории, и пускай уже эти сильнейшие соревнуются за самые важные золотые медали! Но в том-то и дело, если все так просто будет решаться, то, уверен, множество людей останется без работы. Так что пришлось Граниту Ивановичу проявить незаурядные дипломатические способности и изворотливость, чтобы добиться своего. На год Анатолий ушел как бы в тень, мол, поправляет здоровье после Московской олимпиады. А Сергей соревновался всюду и наконец завоевал звание



чемпиона мира. В начале же 1982 года он устроил себе короткую передышку. И Гранит Иванович попросил тренеров сборной, чтобы те разрешили в январе на Тбилисском международном турнире в полулегком весе выступить Анатолию. Тот выступил и победил. А спустя несколько месяцев в этой же категории победил на чемпионате страны; Сергей же там первенствовал в легком весе.

И лишь тут всем стало ясно, что на чемпионате мира в Эдмонтоне братья Белоглазовы намереваются соревноваться в новых для себя категориях. Собрался тренерский совет, на котором разгорелись жаркие дебаты. Среди выступающих были такие, кто предостерегал, что мы можем потерять две верные золотые медали. Другие же требовали сурово наказать Таропина за партизанские действия... Конец прениям положил главный тренер сборной страны, двукратный олимпийский чемпион по вольной борьбе Иван Сергеевич Ярыгин. Он сказал:

— Толя заслужил, чтобы мы пошли на риск!

А на сборах, которые проводились в белорусских «Стайках», Ярыгин все переживал, что Сергей никак не может поправиться до нужных легковесу шестидесяти

двух килограммов. Огромный, могучий, он ставил Сергея, как когда-то это делал Таропин, на весы и шумно вздыхал:

— Ой, какой же ты легонький!

И однажды Сергей, чтобы утешить Ивана Сергеевича, кажется, выпил, уж не помню точно сколько стаканов компота, и стрелка весов, на которые он встал, наконец-то подскочила до нужной отметки. И только после этого Ярыгин облегченно выдохнул:

— Ну, теперь порядок!

А в Эдмонтоне Сергей тотчас же похудел на полтора килограмма. Потому что в его отлаженном, как совершеннейшие часы, организме каждый лишний грамм вызывал чувство неудобства, сонливости. И хотя был самым легким среди легковесов, всех победил. А жалел лишь об одном, что не ему достался в соперники двукратный чемпион мира Хидзаки Томияма.

Анатолий с ним встречался в финале. И накануне Сергей все втолковывал брату, что Хидзаки несколько однообразен в действиях и не любит захватов. Как все японцы, он предпочитает бороться на скорости и на дистанции. А потому, когда борешься с ним, то следует стоять низко и не давать ему проходить в ноги. Нужно ста-



ратся первым набрать баллы; Хидзаки начнет атаковать, и тогда легко идти в захват...

В общем, в самом начале схватки с Томи-яма Анатолий провел «мельницу» и заработал два балла. Затем дважды сделал накат в партере — еще четыре балла. Потом совершил переворот с захватом дальнего бедра изнутри, который именуется на борцовском языке «капканом». И в результате чисто победил «обидчика» брата.

А Сергей выиграл у Хидзаки Томиама в 1983 году на чемпионате мира в Киеве. И это было очень важно. Потому что в следующем сезоне в американском городе Лос-Анджелесе должны были состояться Олимпийские игры, и Сергей продемонстрировал, что подходит к ним в прекрасной форме. Впрочем, и Хидзаки был в прекрасной форме. Я видел их поединок. Он оставил впечатление фантастического фейерверка. Настолько был азартен, страстен и насыщен самыми непредсказуемыми действиями, которые проводились в поистине ураганном темпе. Недаром потом Иван Сергеевич Ярыгин с восторгом говорил журналистам:

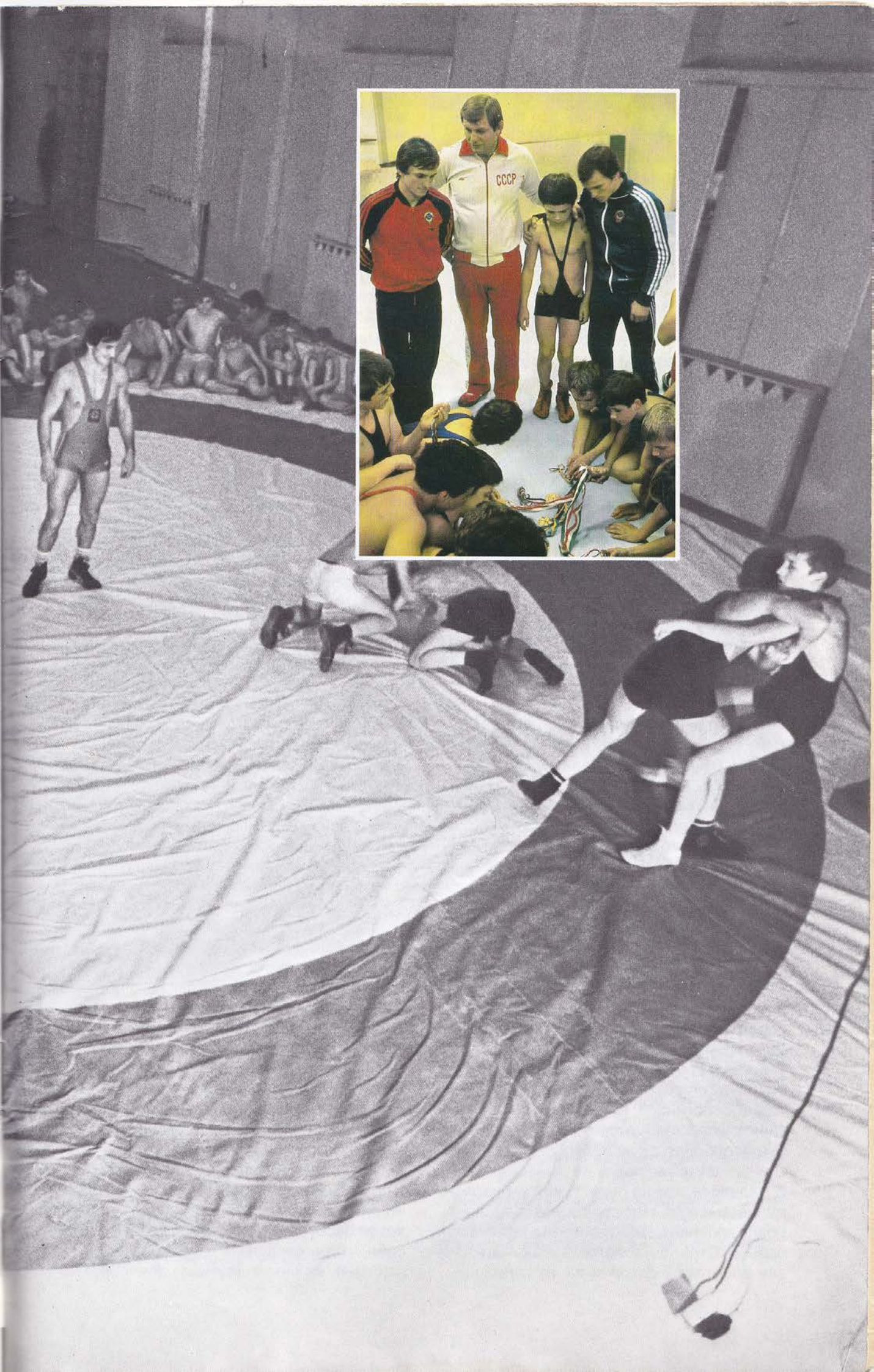
— Вы обратили внимание, сколько Сергей и Хидзаки делали в минуту попыток прове-

сти прием? По две-три реальные попытки! Второй же Белоглазов, как известно читателям, выступал в Киеве не лучшим образом: он проиграл болгарину Валентину Иорданову и занял третье место в легчайшем весе. Да, да — в легчайшем. Поскольку на том турнире братья вернулись в прежние свои категории. Произошло это из-за болезни Анатолия. Организм, по-видимому, не простил ему прошлых истязаний, и весной 1983 года, что тоже известно читателям, Анатолию сделали серьезную полостную операцию. А в нашей сборной по вольной борьбе всегда есть несколько молодых, способных, честолюбивых претендентов буквально на все позиции. Так что Анатолий с его пошатнувшимся здоровьем рад был выйти на ковер предоллимпийского чемпионата мира в любом качестве. Именно потому, что чемпионат предоллимпийский! Ведь к выступлению в Лос-Анджелесе он и брат начали готовиться сразу же после Московских игр и подчинили этому всю свою жизнь. Но поехать туда им не довелось. И олимпийским чемпионом в полулегком весе стал Хидзаки Томиама.

А братья Белоглазовы победно боролись на турнире «Дружба-84» в Софии... Я по-







том беседовал со многими участниками этих соревнований. И все они говорили о радушии болгар, о том, как все было разумно организовано, как дружно и весело жили девушки и парни в студенческом городке возле горы Витоши. Но, произнеся такую или подобную тираду, буквально все мои собеседники со вздохом добавляли, что спортсмену, который готовился к Олимпиаде, никакой другой, даже самый расчудесный, турнир заменить ее не может.

Конечно, не может! И в этом отношении я считаю, что поколению спортсменов, к которому принадлежат близнецы Белоглазовы, да и Хидзаки Томияма, не повезло. Расцвет их таланта пришелся на первую половину 80-х годов, когда усилилась конфронтация между двумя великими державами, следствием которой и стали отказ американцев и некоторых их союзников приехать на Олимпиаду в Москву и наше неучастие в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе. А чемпионы — народ, что называется, до мозга костей целеустремленный. Если уж чемпион готовился к Олимпиаде, то обязательно именно на ней должен выплеснуть мощь и энергию, которые накопил в процессе тренировок. А иначе у него на всю оставшуюся жизнь сохранится не только моральная, но и физическая неудовлетворенность.

И прежде всего этим я объясняю то, что в 1988 году, в сезон XXIV Олимпиады, немало лучших спортсменов последнего десятилетия, из тех, кто ушел на отдых, захотели вернуться в строй. Был среди них и Анатолий Белоглазов, который более трех лет назад, казалось, полностью переключился на тренерскую работу в обществе «Динамо» и сборной СССР. Но прежде, помните, он убедительно победил на турнире «Дружба-84» в Софии болгарина Валентина Иорданова. А уж после этого ушел с ковра. Преемником же его стал Валентин Иорданов, прочно захвативший лидерство в легчайшем весе. Он и на последних перед Олимпиадой в Сеуле чемпионатах мира и Европы победил нашего Владимира Тогузова. И в этом мне видится еще одна причина того, что в тридцать один год Анатолий Белоглазов, не побоявшись уронить свой тренерский авторитет, сделал попытку побороться за право участвовать в Сеульской олимпиаде.

В сущности, это не было такой уж неожиданностью для тех, кто посещал тренировки главной команды страны по вольной борьбе. Стоило посмотреть, как Анатолий там работает в спарринге с лучшими на-

шими атлетами легких категорий, за подготовку которых отвечал, и становилось ясно, что тренер находится не в худшей форме, чем его подопечные. Подтвердил это и январский Тбилисский турнир 1988 года. Анатолий вышел на ковер после того, как три года не участвовал в соревнованиях, но сумел, можно сказать, с ходу пробиться в финал. И настолько высок его спортивный авторитет, что никто этому не удивился. Удивились, пожалуй, другому: в последнем поединке он все-таки проиграл балл Владимиру Тогузову, который младше на десять лет. А спустя два месяца Анатолий стал вторым призером на Кубке мира в американском городе Толидо. Специалисты, наблюдавшие его выступления, потом говорили, что добиться победы Анатолию помешало отсутствие соревновательной практики. Но была еще причина: он опять беспощадно сгонял вес, чтобы вписаться в «прокрустово ложе» пятидесятидвухкилограммовой категории. Кончилось это тем, что организм снова взбунтовался и, можно сказать, уже на финишной прямой старший из близнецов Белоглазовых вынужден был сойти с олимпийской дистанции.

Анатолий поехал в Сеул тренером. И заботился там о младшем на пятнадцать минут брате, как заботился о них двоих на Московской олимпиаде Гранит Иванович Таропин. Сергей же был самым старшим и самым титулованным в нашей команде «вольников». 16 сентября 1988 года ему исполнилось тридцать два года, и он уже шесть раз становился чемпионом мира. Помню, еще в канун прошлых Игр, которые проводились в Лос-Анджелесе, Сергей сказал мне, что мечтает стать двукратным олимпийским чемпионом еще и потому, что этого пока не смог добиться ни один из борцов легких категорий. Ведь маленькие богатыри борются в таком вихревом темпе, что скоро устают и, как правило, через два-три сезона уступают высшую ступень пьедестала почета молодым соперникам. А Сергею по вине политиков пришлось дожидаться второй своей Олимпиады не четыре года, а восемь лет. Причем не просто дожидаться, но совершать, казалось, невозможное: беспрестанно доказывать, что является сильнейшим в своем весе (57 кг). Как это ему удавалось?

— В юности я выигрывал за счет свежести и потому, что работал больше всех, — буднично говорит Сергей. — Теперь я тоже хотел работать больше всех, но сдерживал себя, чтобы сохранить свежесть. Оптимальный же режим нагрузок мне помогли

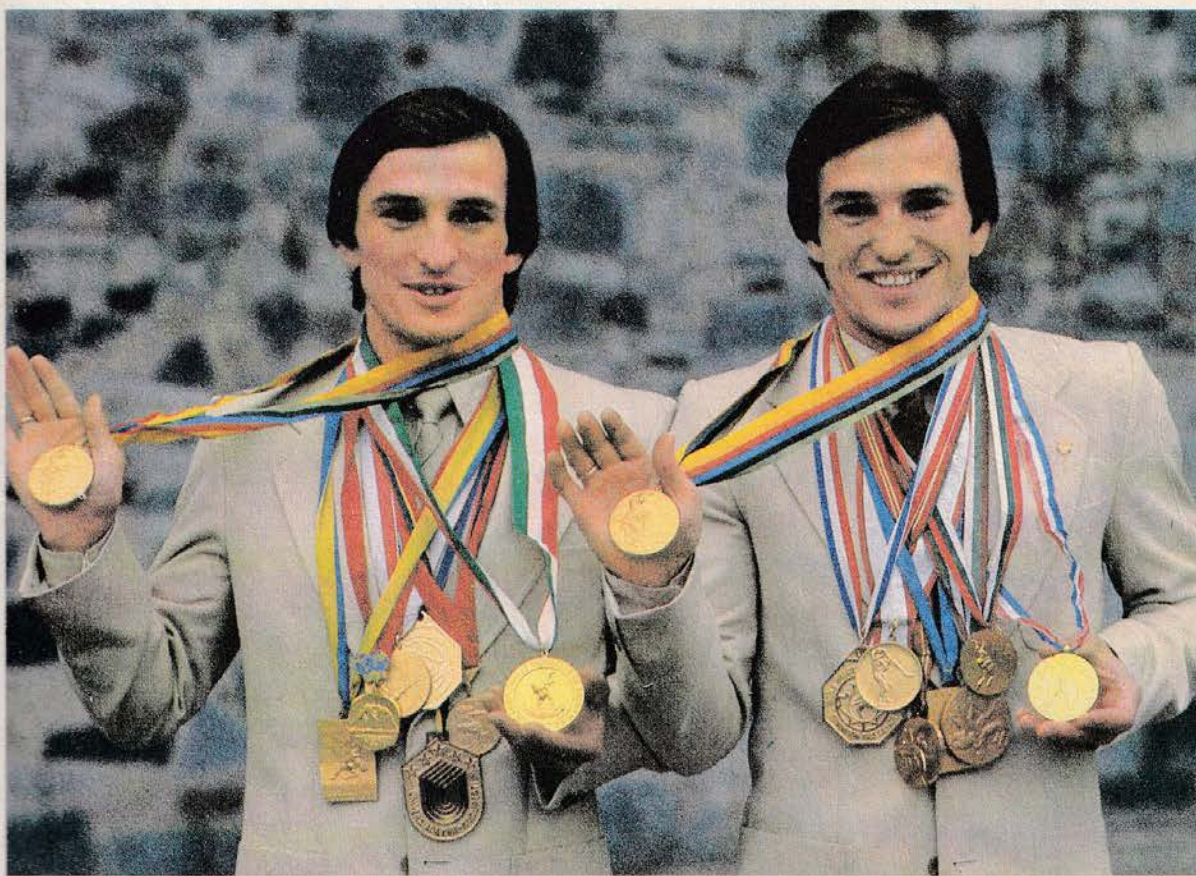
найти дневниковые записи, которые регулярно веду с 1975 года.

Ну как тут не вспомнить, что многие молодые спортсмены ленятся вести дневники, поскольку видят в этом ненужную формальность. Что ж, возможно, пример Сергея Белоглазова послужит им наукой. На олимпийском ковре в Сеуле тридцатидвухлетний ветеран соревновался с поистине юношескими задором и темпераментом. Достаточно сказать, что лишь 8 минут, то есть в три раза меньше предусмотренного регламентом времени, потребовалось ему, чтобы победить четырех соперников.

В финале его конкурентом был очень сильный иранец Аскари Мохаммедьян. Так вот Сергей буквально ошеломил его молниеносностью и разнообразием атак. Перед его напором невозможно было устоять. И

все же Аскари Мохаммедьян доказал, что является истинным спортсменом: когда закончилась схватка, он поднял Сергея на руки и совершил с ним круг почета по борцовскому ковру, тем самым выразив свое восхищение победителю.

Конечно, Сергей был счастлив, что во второй раз добыл олимпийское золото. И Анатолий радовался за брата, хотя и чуточку завидовал ему. Как само собой разумеющееся воспринял эту победу Гранит Иванович Таропин, но повторил, что по таланту близнецы равны, и если бы одному из них не приходилось сгонять вес, то они оба сегодня были бы двукратными олимпийскими чемпионами. Анатолий же в ответ на это суждение философски заметил, что такова участь всех старших братьев, им всегда приходится труднее.



Научно-популярное издание

АНАТОЛИЙ И СЕРГЕЙ БЕЛОГЛАЗОВЫ

Автор-составитель
Игорь Юрьевич Сосновский

Заведующий редакцией *Е. С. Пермяков*
Редактор *З. В. Крутинская*
Художник *В. А. Бондарев*
Художественный редактор *Е. С. Пермяков*
Ретушер *М. Г. Чураева*
Технические редакторы
Е. И. Блиндер, О. А. Куликова
Корректор *С. В. Трушкина*

Н/К. Сдано в набор 26.10.88. Подписано к печати 3.03.89. А 07761. Формат 70×108/16. Бумага мелов. Гарнитура «Гельветика». Офсетная печать. Усл. п. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 18,20. Уч.-изд. л. 6,20. Тираж 50 000 экз. Издат. № 8142. Зак. 2726. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Почета издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421, Москва, Каляевская ул., 27.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

1 р. 40 к.

ББК 75.715
Б 43

A. Ben
C. Goff

Б 4204000000—038 46—89
009(01)—89

ISBN 5-278-00127-5

© Издательство «Физкультура и спорт», 1989

